

*Для
Дети*

ВОЛКИ

18+

ОТ АВТОРА РОМАНОВ «ДОБЕРМАН» И «ВРЕМЯ ОКЕАНА»

Эль Реми

Волки

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос= Рус)6-44

Реми Э.

Волки / Э. Реми — «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-137346-7

В жизни Анны-Марии всегда было много сложностей, которые сделали из нее жестокую девушку. Теперь она прима-балерина, готовая пойти на все, лишь бы добиться целей. Каждый новый день – борьба за главную роль, и никто не отнимет у нее того, что она заслужила. Однажды она знакомится с Маэлем – легкомысленным, одаренным парнем, для которого свобода ценится превыше всего. Их тянет друг к другу. А еще они готовы друг друга убить, ведь, вот загвоздка, познакомились они, когда Маэль взял Анну-Марию в заложницы и приставил к ее виску пистолет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос= Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137346-7

© Реми Э., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог. «Приятная» встреча	6
Глава 1. У судьбы искрометный юмор	9
Глава 2. Фаталист	15
Глава 3. Кроличья нора	22
Глава 4. Феерия	29
Глава 5. Попробуй найти свое место	35
Глава 6. Добро пожаловать на сцену	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эль Реми

Волки

Copyright © Эль Реми, текст, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог. «Приятная» встреча

– Мы в глубокой заднице! – в полном отчаянии воскликнул юноша, что-то быстро набирая на компьютере.

– А я говорил, что все сорвется, – бубнил недовольный голос по рации, валявшейся на столе.

В маленькой комнатухе было три человека. Один сидел за ноутбуком, второй собирал какие-то вещи, а третий стоял в углу, уставившись в экран своего смартфона.

– Чего стоишь? – обратился к нему парень, который распаковывал оборудование по черным сумкам. – Ждешь, когда здесь появится Интерпол?

Тот, что стоял с телефоном, поднял озорно блеснувшие серые глаза.

– Sólo puedo improvisar ¹, – ухмыльнулся он.

– Не вовремя ты со своим испанским! – рявкнул юноша из-за ноутбука.

– Проблемы надо решать по мере поступления, Най. – С этими словами сероглазый мужчина убрал телефон в карман джинсов и направился к двери.

Най Леманн в ответ только нервно дернул плечом и взъерошил свои светлые волосы, надеясь скрыть тревогу. На экране ноутбука у него было видео с нескольких камер наблюдения, и почти везде в кадре сновали люди в куртках с надписью «Интерпол» на спине. В любой момент они могли ворваться в каморку и повязать всех, кто в ней находился. А больше всего Най бесило то, что организатор всей этой опасной авантюры совсем не беспокоился об их плачевном положении.

– Вот же самовлюбленный придурок, – прошипела рация.

Голос принадлежал четвертому члену группы, оператору-связисту. Он координировал их действия, видел все и вся. Работал он на расстоянии, с крыши одного из соседних зданий. Можно сказать, что он даже оказал услугу, явившись в непосредственно близкое к операции место. Когда работа была попроще, он запросто мог остаться координировать из дома или в рабочей студии.

Тот, что шел к двери, остановился и взял рацию со стола.

– Кристиан, ты знаешь, что я тебя слышу?

– Знаю, – ответили по рации, – и могу повторить тебе это лично. Маэль, ты – самовлюбленный придурок. Ты ошибаешься, если уверен, что и на этот раз выберешься и тебя не поймут. Сегодня тебе точно конец.

Так же думали все в группе.

Маэлье Сантана – высокий, крепкий испанец – был главным организатором всей операции. Обаятельный и временами гениальный, он любил действовать спонтанно. Ему не нравилось составлять планы и схемы, которые были так важны для Кристиана и Най. Маэль обычно полагался на свой блестящий ум и ловкость и предпочитал импровизировать. Члены команды, кстати, хоть и ругали его за некоторую безалаберность, но тайне верили в него и надеялись, что и из этой заварухи Сантана их вытащит.

Маэль снова достал смартфон, чтобы посмотреть время. Половина десятого. Идеально!

– Меньше паники, девчата, – сказал он, распахивая дверь. – Ваш rará сейчас все решит.

– Что ты собираешься делать? – спросил парень, который паковал оборудование.

Он уже собрал пару сумок, куда сложил дрели, приспособления для прослушки и огромные щипцы. А у его ног, прислоненные к стене, стояли две картины – те самые, ради которых они всей командой и оказались здесь. Продав эти картины, они пополнят свои офшорные счета на очень внушительные суммы.

¹ С исп. «Я могу только импровизировать».

Впрочем, Маэль концентрировался не на деньгах, а на процессе. Ему нравилась эта волнительная суматоха.

– Мы же в национальном театре балета, – ответил Маэль. – И прямо сейчас конец второго акта. Я всего лишь хочу взять в заложники какого-нибудь гостя. Пацифизм и человеколюбие Интерпола безграничны. Они выпустят нас отсюда, не сомневайтесь.

– И кого же ты возьмешь? – удивленно, но с надеждой спросил голос по рации.

– Кого-то, кто просто необходим.

– Да тебя даже в холл не выпустят, – взвинченно парировал Най, оборачиваясь. – Интерпол уже везде – и на первом этаже, и на улице вокруг театра.

И он выразительно кивнул на ноутбук, который транслировал видео с камер наблюдения. Маэль улыбнулся.

– Я и не пойду в холл. Мне больше нравится за кулисами. Собирайте вещи, девочки, мы сваливаем отсюда.

* * *

Громкий шум аплодисментов – верный знак того, что начался антракт. Но сотрудники Интерпола, дежурившие у каждого выхода, никого не выпускали из зала, и поэтому все коридоры пустовали.

Добраться до гримерных оказалось проще простого. Маэль всего лишь прошел по служебным коридорам для персонала, куда не обремененные умом интерполовцы и не подумали сунуться. Он был одет в темные брюки и водолазку, на руках – перчатки, портативный микрофон у уха и два кольца в кобуре, прикрепленной к поясу. С собой у него была маска, которая закрывала половину лица, оставляя лишь глаза. Эту очаровательную вещь Маэль приобрел на фестивале в Рио и до сих пор с ней не расставался. На ней была изображена волчья пасть.

Маэлен считал себя безжалостным. Он мог выстрелить в человека, если бы это нужно было для дела. Собственно, это он и планировал сделать, если заложник окажется строптивым.

Спрятавшись за углом, Сантана надел маску и прислушался. Актеры щебетали о всякой ерунде, бегая по коридору между гримерными и раздевалками. Они обсуждали чей-то неудавшийся па-де-де, солиста, переспавшего с балериной из кордебалета, пониженное жалование и салат на завтрак, оказавшийся просроченным.

В такой толпе ему ловить нечего. Маэль снял с предохранителя кольцо и бесшумно проскользнул в ближайшую к нему дверь, которая вела в туалет, как оказалось, женский. Актеры были так заняты собой, что никто не заметил высокого парня в черном.

Он очутился в небольшом, отделанном белой плиткой помещении. Бледный свет лампочки, немного заляпанное зеркало над раковинами и четыре кабинки. Маэль зашел в одну из них, прикрыл дверцу, потом облокотился на нее спиной и вздохнул. Этот вечер его утомил. Он представил, как придет домой, примет душ, приготовит ужин, а потом сядет на балконе своего пентхауса с бокалом вина и будет смотреть на Марсель. Этот большой, неугомонный и красивый город нравился Сантане только ночью, когда гул его немного утихал и загорались неоновые огни на высоких зданиях. Во Франции, конечно же, было здорово, но порой он скучал по куда более душевной Испании, в которой родился и прожил много лет.

Его размышления прервал стук двери и шаги. Маэль оживился, поняв, что кто-то зашел в уборную. Он крепче сжал оружие, готовый выйти и сделать то, что задумал. В щель между дверцей и стеной было видно, как к зеркалу подошла девушка в лиловом балетном платье.

– Убогий театр, убогая труппа! – фыркнула она, открывая кран. – Можно подумать, я должна всю жизнь быть просто солисткой.

«Говорит сама с собой, явно двинутая», – подумал Маэль и на секунду даже засомневался, надо ли трогать эту девицу.

– Ненавижу! Я им всем шеи переломаю! Посмеюсь в лицо, когда стану примой в «Виллисах»... И еще дерьмо какое-то в театре творится прямо во время премьеры! Вот убожество...

Девушка не успела договорить. Дверь туалетной кабинки медленно открылась, и оттуда вышел высокий мужчина в черной одежде и в маске. В руке у него был пистолет. Парень целился прямо в нее, не сводя пристального взгляда серых глаз.

– Малыш, у тебя проблемы посерьезнее. Двинешься – и останешься без головы. Кто твоим коллегам тогда шеи ломать будет?

Он рассмеялся, а девушку захлестнула волна панического ужаса.

Глава 1. У судьбы искрометный юмор

Аллонже ², потом па-де-ша ³, дальше со-де-баск ⁴ и тан-лие ⁵...

И снова. И еще раз.

Она кружилась в голубоватом свете софитов, прыгала и семенила на носочках, руки ее описывали плавные дуги. Тысячи глаз были устремлены только на нее. Ее хрупкая фигурка в лиловом платье-пачке с блестящими украшениями быстро и изящно прыгала от одного края сцены к другому. Оркестр играл один из номеров «Спящей красавицы» только для нее.

Как она прекрасна, как женственна и восхитительна! Густые темные волосы убраны в высокую прическу, украшенную тиарой с разноцветными камнями. Голубые глаза не видят ничего, она не обращает никакого внимания даже на зал. Сейчас она танцует. Сейчас она забылась. Сейчас ее руками и ногами правит лишь искусство.

Анна-Мария была рождена для балета – стройная фигура, рост чуть выше среднего и молочно-белая кожа. Черты ее лица привлекали и запоминались, хотя ее сложно было назвать классической красавицей. Бледное лицо, осыпанное веснушками, обрамляли длинные темные волосы. Но примечательнее всего были глаза – голубые, ясные, по-волчьи яркие, под дугами густых бровей. Холодная, но темпераментная, Анна-Мария излучала харизму и уверенность.

В труппе ее называли Астра, что значит «звезда». Столь громким и красивым прозвищем балерину наградили режиссер и хореограф, и другим танцорам и актерам нехотя тоже пришлось называть ее так. Никто не хотел казаться стервой или ублюдком больше положенного. В этой индустрии открыто презирать неэтично. В лицо улыбаешься, втайне ненавидишь. Такие правила.

Музыка закончилась, и, выгнувшись напоследок, Анна-Мария скрылась за кулисами под аплодисменты. Едва она оказалась там, спокойное и даже блаженное выражение ее лица сменилось на отстраненное и высокомерное. Она быстро прошла мимо танцоров, которые должны были выйти следующими. Анна-Мария пренебрежительно относилась к артистам кордебалета. Ведь они стояли в самом низу иерархии, были просто массовой, хотя многие с ней бы не согласились. Но в этом и заключалась категоричность ее мышления. Сама она была ведущей солисткой, следующей прямо после примы. Солисты – несколько девушек и мужчин – куда заметнее обычного кордебалета.

А вот прима всего одна-единственная и неповторимая, она всегда получает главные роли. Ей и мечтала быть Анна-Мария. Разве она этого не заслужила? Красива, знаменита, великолепно танцует, вкалывает как проклятая, старается из всех сил. А потом узнает, что на роль Авроры в «Спящей красавице» берут другую солистку, Софи Монтеस्कье. Эту жалкую светловолосую сучку, которую теперь Анна-Мария искренне ненавидит. Как обычно, не следуя правилам, ненавидит прямо в лицо. Честно и открыто.

Ничего. Скоро она обязательно станет примой. И весь Марсель узнает, кто такая Анна-Мария Валевская.

– Валевская! – окликнул ее мужской голос.

Она обернулась.

– Ты была так грациозна, – пропел он.

---

² Прием классического танца, основанный на распрямлении закругленных позиций рук (от *фр.* allonge – «удлинненный, вытянутый, продленный»).

³ Прыжковое движение: согнутые ноги поочередно отбрасываются назад, корпус прогибается ¹ (от *фр.* pas de chat – «кошачий шаг»).

⁴ Прыжок с ноги на ногу с продвижением в сторону и поворотом в воздухе (от *фр.* saute de basque – «прыжок баска»).

⁵ Комбинация движений, которая состоит из переходов с ноги на ногу скользящими шагами (*temps lie*, от *фр.* *lier* – «связываться, соединять»).

Ее догнал мужчина в черных брюках и черной водолазке, хорошо сложенный, но уже немного в возрасте. У него было симпатичное лицо, а зеленые глаза, скрывавшиеся за очками в толстой оправе, все еще оставались юными. Сейчас они восхищенно-боготворяще смотрели на Анну-Марию.

– Я знаю, – спокойно ответила Анна-Мария.

– Ты столь благородна, – снова заговорил мужчина. – Идеал балерины!

– И тем не менее ты не дал мне Аврору, – презрительно фыркнула она.

Аллен, режиссер балетной труппы Марсея, пожал плечами.

– Она не для тебя, моя Астра. Ты больше темная, чем светлая.

– Жалкие отговорки! – скрестила руки на груди Анна-Мария. – Чем я плоха?

Аллен взял ее за плечи и воскликнул:

– Плоха? Чем ты можешь быть плоха?! Ты идеал! Благородное русско-французское происхождение, восхитительная внешность, грациозные движения. Ты богиня, сошедшая с Олимпа! Ты словно Психея, словно Афродита, словно Венера, но не из камня, а из плоти... Я так люблю тебя, ты не представляешь!

Анна-Мария в ответ лишь закатила глаза. Аллен так тривиально и наигранно пел ей дифирамбы, бросался громкими словами, что начинал утомлять. Сколько преувеличенных банальностей! Хотя Аллен всегда был таким. Он и сам раньше был знаменитым премьером, танцевал не только здесь, но и в Париже, и в Нью-Йорке, и в Санкт-Петербурге. Аллен Неве когда-то был почти легендой. Однако время неумолимо, и ему пришлось завершить карьеру из-за возраста. Теперь он режиссер, который боготворит всех своих солистов. Каждому говорит, как любит. А потом берет и ставит эту сучку Софи на роль Авроры в «Спящей красавице»! Просто как нож в спину.

Анна-Мария развернулась и направилась в гримерку, прочь от всех. После сцены с кордебалетом будет антракт, так что можно передохнуть. Ее раздражал сегодняшний день, день премьеры. Как назло, в Театре искусства Марсея сегодня был переполох. Театр располагался в старом и очень красивом здании, стены которого украшали картины и скульптуры. Здесь часто проходили балетные премьеры. И вот в этом святилище искусства, живописи и балета, как выяснилось, случилось отвратительное – кто-то попытался украсть несколько ценных картин. Сработала сигнализация, и наряд полиции прибыл прямо в театр. По слухам, работал не просто какой-то дилетант, а группа воров, давно объявленных в розыск в Европе. Анна-Мария мало знала о происшествии, ей было некогда. Но все же она где-то услышала, что группа эта называется «Лобос»⁶, или «Волки», в нее входит несколько человек и их ловят вот уже пять лет. Узнав, кто именно попался на горячем, сразу приехал Интерпол. Люди в форме наводнили театр, пытаясь найти воров, все входы и выходы были заблокированы.

«Ну хотя бы премьеру не сорвали, а разрешили продолжать», – подумала Анна-Мария, хотя ей и казалось, что это не очень безопасно. С другой стороны, что сделают эти люди из «Лобоса»? Нападут на них, на танцоров? Вряд ли. Их либо поймают сегодня, что маловероятно, либо они улизнут с похищенными картинами. Они же мошенники, а не убийцы.

По дороге к себе Валевская прошла мимо гримерной той самой Софи. Сегодня она танцевала партию принцессы и была одета во что-то розовое и блестящее. Увидев в коридоре Анну-Марию, сегодняшняя прима ухмыльнулась и подмигнула ей, явно ощущая свое превосходство. Вид у нее был ангельский, но вот лицо – стервозное донельзя.

Анна-Мария лишь фыркнула и прошла мимо. Она зашла к себе в гримерную, стянула с ног пуанты и надела розовенькие угги с помпончиками. Теперь она выглядела забавно: верх роскошный, а низ нелепый. Но каждый в балетной сфере знает: главное – это утеплить лодыжки

---

⁶ С исп. «Lobos» – «Волки».

и ноги. Во время антракта у нее будет время отдохнуть, сменить костюм и поругаться с кем-нибудь. Все как надо.

* * *

Анна-Мария зашла в уборную, чтобы умыться и успокоиться.

– Убогий театр, убогая труппа! – прошипела она. – Можно подумать, я должна всю жизнь быть просто солисткой. Ненавижу! Я им всем шеи переломая! Посмеюсь в лицо, когда стану прямой в «Виллисах»... И еще дерьмо какое-то в театре творится прямо во время премьеры. Вот убожество!..

Ее раздражало все, даже она сама. Сегодня у нее не было настроения играть в стерву, ругаться с Алленом, подкалывать Софи. Хотелось дотанцевать, переодеться и уйти домой.

Тут у нее дрогнуло сердце – она увидела в зеркале, как за ее спиной открывается дверь кабинки. Наверное, какая-нибудь балерина из труппы услышала все сказанное Анной-Марией и сейчас выйдет и начнет смеяться. Она развернулась, готовая сказать что-нибудь ехидное, но в следующий момент едва не лишилась чувств – настолько неожиданным было то, что она увидела. Из кабинки вышла не балерина, а высокий крепкий брюнет, одетый во все черное. Половину его лица скрывала маска, были видны лишь *дикие и мрачные серые глаза*. В руке он держал пистолет. Который наставил, разумеется, на Анну-Марию.

– Малыш, у тебя проблемы посерьезнее. Двинешься – и останешься без головы. Кто твоим коллегам тогда шеи ломать будет? – спросил он с явной издевкой.

Валевская словно окаменела. И сразу обо всем догадалась. Это он, это один из «Лобоса»!

Мужчина медленно направился к ней. Анна-Мария попыталась отступить на шаг, но уперлась спиной в стоящие сзади раковины. Сердце бешено забилося, в голове опустело. Ее лицо застыло, но в глазах читался животный страх. Он подошел едва ли не вплотную, глядя прямо на нее, облокотился одной рукой о раковину, в другой держал пистолет.

Внезапно в голове у Анны-Марии промелькнула мысль, что режиссер в театре всегда может решить любую проблему. Севшим, тихим голосом, едва ли не шепотом она протянула:

– Алле-е-ен...

Вор прижал палец к губам Анны-Марии.

– Тсс, девочка, не шуми. Тебе же жить хочется? Поможешь мне и свободна.

Валевская кивнула. Первое оцепенение прошло, разум потихоньку возвращался к ней. Она пыталась сообразить, как спастись, но ничего дельного в голову не приходило. Однако Анна-Мария была не из тех, кто сидел смиренно. Она была рождена, чтобы бороться. И сейчас тоже просто так не сдастся.

* * *

Маэль схватил девушку за плечо и потащил к двери. К ее боку он приставил пистолет и был готов выстрелить, если понадобится. Сантана жалел лишь о том, что кругом балеруны, а не какие-нибудь актеры. Они ведь гибкие и ловкие, еще выкинут что-нибудь. Хотя он слышал, что балет – это такая паршивая индустрия, что, если кто-то из них будет тонуть, другие только помашут ручкой. Странно, но Маэлю казалось знакомым лицо этой балерины. Значит, она известная? Да еще и симпатичная, и сложена хорошо. Наверняка ее терпеть не могут и спасать не кинутся точно. Хотя, если она знаменита, руководство сделает все, лишь бы она уцелела. А следовательно, никакого глупого героизма, и при этом они пойдут на все условия, лишь бы спасти дамочку. Идеально!

Все складывалось очень удачно, Маэльен был доволен. Осталось только выйти с девчонкой в коридор в тот момент, когда там окажется побольше людей. А дальше импровизировать. Со своими парнями он встретится в холле.

– Мило выглядишь, – бросил Маэль, осторожно выглядывая в коридор из-за двери. – Модные у тебя туфельки.

Девушка растерянно посмотрела на Маэля, потом опустила взгляд вниз, на свои розовенькие угги.

– Вы меня в заложницы взяли? – чуть осипшим голосом спросила она.

– Увы, сейчас такая ситуация, что хорошенько *взять* тебя я могу лишь в заложницы. Но если дашь номерок, рассчитывай на продолжение. Тебе какое вино больше нравится: белое или красное?

Девушка дернулась, но Сантана крепко держал ее за руку, да и пистолет в его руке не давал расслабиться. Мужчина вел себя весьма дружелюбно и непринужденно, при этом давая понять, что готов убить ее.

– Безумный! – выпалила она.

Его холодные серые глаза зло блеснули. Маэль сжал пальцы, сдавив ей руку.

– Веди себя тихо, милочка! Я сегодня помирать не собираюсь, но тебе предоставлю такую возможность, если ты ее ищешь. Либо замолчи и слушайся меня, либо я тебя убью.

Голос его стал серьезным, он больше не улыбался, судя по глазам... Маэль по натуре был игривым котом, который, загнав свою мышку в ловушку, сначала дразнил ее, а потом отпускал или кончал с ней. Но *сегодня* ему играть не хотелось. *Сегодня* все шло наперекосяк. Обычно у него бывало по сто разных планов спасения, но сейчас эта девушка с волчьими глазами стала его последним шансом.

– Анна-Мария! Анна-Мария! Где тебя черти носят? Выход через семь минут, Аллен зовет переодеться! – прокричал кто-то на весь коридор.

Услышав это, девушка снова дернулась, а Маэль лишь сильнее стиснул ей руку. Заметив ее волнение, он снова ухмыльнулся:

– Анна-Мария – это ты, что ли? Это тебя зовут?

– Отвали! – рявкнула она, осмелев. – Делай что задумал и проваливай. У меня выход скоро, тебе непонятно?

Анна-Мария смело глянула Маэлю в лицо, хмуря брови и презрительно вздернув подбородок. Кажется, когда дело касалось балета, эта девушка в игры не играла.

Но у Маэльена были свои планы. Ему надо было спастись, наделать шуму и сбежать. Он на секунду отпустил руку Анны-Марии, но тут же схватил ее за шею, таким образом не давая сбежать. В бок ей уперлось дуло пистолета.

– Прости, маленькая, но сегодня сорвать овалы вам не светит.

Спустя мгновение Маэль выскочил в коридор, прикрываясь Анной-Марией как щитом. Танцоры и персонал с испугом расступались, таращась на неизвестного в черной одежде. Раздавались изумленные возгласы:

– Что происходит? Милостивый Бог! Анна-Мария?!

Аллен, режиссер, с ужасом увидел, что его *сокровище*, грубо схватив и подталкивая в спину пистолетом, ведут по коридору. А она испуганно и беспомощно смотрела на всех, кто оказался в коридоре, и ничего не могла сделать. Высокий и крепкий мужчина держал ее сильно, при этом смело встречая взгляды взволнованной группы. Все сразу поняли, кто это, ведь полвину вечера они обсуждали ограбление театра, Интерпол и перекрытые выходы. И вот теперь один из группы «Лобос» схватил лучшую солистку и угрожает ей. Кто-то выглядел напуганно, а кто-то вполне злорадно, хоть и старался скрыть. Боялись «Лобоса» все, но мало кто боялся именно за Анну-Марию. Многие просто цинично дожидались развязки этой драмы.

– Всем стоять! Если дернетесь – я ее убью! – прокричал Маэль.

– О боги! – взмолился Аллен. – Чего вы хотите? Оставьте! Отпустите Валевскую, пожалуйста!

Сантана быстро двигался в сторону выхода. Через секунду они с Анной-Марией уже вышли в холл, где было полно сотрудников Интерпола. Не успел он и глазом моргнуть, как на него и его заложницу было направлено несколько десятков стволов. Следом за ними из коридора выбежал этот сумасшедший, Аллен, у которого с носа упали очки. Он все кричал:

– Молю! Молю, не трогайте ее! Не стреляйте! – воскликнул Аллен, обращаясь уже к сотрудникам французской полиции и Интерпола.

Анна-Мария, видя столько вооруженных людей, осмелела, попыталась освободиться, но Маэль сильно ткнул дулом пистолета ей в бок, тихо прошипев:

– Ну-ка, стой смирно!

Когда полицейские поняли, что задумал Маэль, они опустили оружие. Все происходило в большом холле со стеклянными окнами от пола до потолка. За ними было видно черное ночное небо с горящими крупными звездами. Все уставились на Маэля, одного из самых разыскиваемых преступников Европы. Его лицо скрывала маска, но стиль и образ действий выдавали в нем того самого предводителя «Лобоса». Представители власти уже поняли, что стрелять нельзя. Важным приоритетом для них была жизнь гражданского, и если ему что-то (или *кто-то*) угрожает, необходимо сделать все, чтобы его спасти.

– Ну что, *amigos franceses* ⁷, – громко сказал Маэльен, – дадите пройти или будем торговаться за ее жизнь?

Он отошел на шаг и приставил пистолет к затылку Анны-Марии. Все было кончено.

* * *

Унижение – сильное, невыносимое, гадкое. Ей будут припоминать это целую вечность. Она сорвала премьеру. Ее взяли в заложницы прямо в театре. В нее тыкали пистолетом.

«Лобос» и Интерпол смогли договориться: полицейские будут отслеживать местоположение Анны-Марии, чтобы быть уверенными, что девушку никуда не увезут, а самих парней они отпустят. Поразительная гуманность! Можно даже отпустить давно разыскиваемых бандитов, лишь бы не пострадала гражданская девушка.

Поэтому сейчас Валевская в лиловом платье и тех самых розовых угтах стояла в переулке близ Театра искусств Марселя. Тут было прохладно и безлюдно. Ее все еще держал за плечо тот тип в маске. Он стоял, молча наблюдая за тем, как два парня раскладывали что-то по черным сумкам, тихо переговариваясь. Один был светловолосый, среднего роста, хорошо сложенный. Он тоже был весь в черном и в маске, и, видимо, его задачей было получше разложить аппаратуру.

– Аккуратнее с радаром. Если сломаются, не сможем работать еще долго.

Светловолосый кивнул. Только сейчас Анна-Мария заметила сильный испанский акцент у их главного. По внешности судить она не могла, поскольку его лицо было наполовину закрыто, но густые каштановые волосы, темные брови и слегка загорелая кожа выдавали в нем нефранцузское происхождение. Второй парень занимался, как показалось Валевской, только похищенными картинами. Худошавый, в темной майке и перчатках, он обращался с картинами как с сокровищами – бережно, нежно. Еще ей удалось рассмотреть, что у него была странная прическа. Часть волос как будто выкрашена в светлый, а другая – в темный, хоть он и старался скрыть их под шапкой.

---

⁷ С исп. «Мои французские друзья».

Анна-Мария хотела лучше запомнить внешность этих ребят, чтобы потом подробно обо всем рассказать полиции. Или найти их самой и заставить плакать и молить о пощаде. Этими фантазиями она будет наслаждаться перед сном.

– Кай, быстрее пакуй картины, и сваливаем уже!

– Меня ведь уже можно отпустить, – недовольно заметила Анна-Мария.

– Чтобы Интерпол стал прочесывать всю округу? Нет уж, дорогая, – спокойно ответил тот мужчина, что держал ее. – Да и куда тебе торопиться? Премьера же все равно сорвана.

От этих слов внутри у Валевской забурилась ярость. Она резко дернулась, но не чтобы сбежать, а просто от злости.

– Н-ненавижу! Все мне испортили!

– Маэль, успокой ее. Мы почти закончили, но она меня бесит, – сказал светловолосый, застегивая сумку.

Маэль уже не мог угрожать Анне-Марии. На ее руке был тот самый браслет, отслеживающий местоположение и пульс, который ей дали сотрудники Интерпола. Удобная штука, когда работаешь с заложниками. Видимо, у них это частая практика. Поэтому Сантана лишь резко схватил Анну-Марию, завел ей руки за спину и чем-то связал их. Потом отвел к стене и грубо встряхнул.

– Какая же ты буйная и шумная! От тебя многовато проблем, не находишь?

Светловолосый и тот, кого звали Кай, с сумками бросились в другой конец переулка, где была припаркована машина. В ней уже кто-то сидел. В переулке остались лишь Маэль и Анна-Мария. Он ее отпустил, и она с легким недоумением посмотрела на него. Внезапно она поняла, что Маэль связал ей руки лентой от платья.

– Я же могу легко освободиться.

– На то и был расчет, – сказал он и отвесил ей легкий поклон. – Приятно было пообщаться, звездочка. Надеюсь, тебе дадут главную роль и ты переломаешь шеи всем, кому хотела.

Улыбнувшись ей одними глазами, Маэль развернулся и быстрыми шагами пошел к машине. Она следила за его внушительной фигурой, пока тот не пропал из поля зрения.

Анна-Мария осталась одна посреди переулка. Премьера была сорвана, ее взял в заложники известный вор, и теперь вся труппа будет над ней потешаться. Отвратительный день!

Тяжело вздохнув, она закрыла лицо руками и сжала губы, пытаясь успокоиться. Воистину, у судьбы искрометный юмор.

Глава 2. Фаталист

– Смысл дружбы в том, чтобы прощать человеку все дерьмо просто за то, что он смешной. Когда Маэль выдал это оправдание, его друзья посмотрели на него косо. Най нахмурился. Он был привлекательным блондином с аккуратными чертами лица и глазами сочного светло-зеленого цвета, какой бывает у весенней травы. Он был родом из Берлина, поэтому в его характере преобладали сдержанность и почти фанатичный перфекционизм...

– Тогда я предпочту держаться от тебя подальше, – сказал он в шутку. – Мы и так обычно попадаем в дерьмо из-за тебя, а вчера нас почти накрыли.

– Нет никакого «почти», Най. Либо накрыли, либо нет. Сейчас ты что делаешь? Сидишь за столом и пьешь пиво. Ты в тюрьме? В суде? Нет. Ты в нашем штабе. Значит, не накрыли. Значит, я молодец. Люби меня, малыш, – Маэль послал Леманну воздушный поцелуй и подмигнул ему.

Парни сидели в бывшей студии Маэля Сантана, где он когда-то рисовал. Это было огромное просторное помещение с высокими потолками и большими окнами в пол, которые открывали бы вид на Марсель, не будь они изрядно заляпаны. Кирпичные стены хозяин покрасил где-то в белый, где-то в серый цвета, а на массивных балках, упирающихся в потолок, снизу были приклеены какие-то бумажки и схемы. Мебели было немного. Справа притулилась скромная кухня, но вместо посуды и еды кухонные шкафы были забиты разным оборудованием. У противоположной стены стояло два старых кожаных дивана, над которыми висела массивная люстра, словно украденная из Лувра, а под ней лежал пушистый белый ковер из овчины. Напротив диванов был внушительных размеров камин с потертой побелкой и даже позолотой, очерненный в некоторых местах золой. По всем углам валялись книги, бумаги, забытые полотна с какой-то мазней и тюбики с красками. В центре помещения стоял большой и круглый, как у короля Артура, стол, заваленный бумагами, которые сдвинули вбок, чтобы поставить пепельницу и стаканы. Над столом висела одинокая лампочка.

За столом сидели трое. Они играли в карты, курили и пили французский эль. Блондин Найлим Леманн, осторожный и прагматичный, был правой рукой главы группировки. Рядом с ним сидел Кайле Нордан, наполовину британец, человек спокойный и местами даже флегматичный. Сразу бросался в глаза его странный цвет волос – одна сторона светлая, другая темная, словно кто-то провел черту четко посередине. Брови были такими же разноцветными. Обычно он занимался планированием операций для группы и устанавливал оборудование.

Главным в группе был харизматичный испанец Маэльен Сантана – высокий, крепкий, смуглый, с темно-каштановыми волосами и густыми бровями. У него было выразительное лицо с запоминающимися чертами и яркие серые глаза. О том, как он может в последний момент улизнуть или украсть то, что украсть невозможно, ходили легенды. Настоящий волк.

– Без разницы, – парировал Кайле. – Главное, что картины у нас, и они готовы к аукциону.

– Золотые слова, амиго! – ухмыльнулся Маэль, и парни чокнулись стаканами.

– Если бы не та принцесса, нас бы накрыли, – сказал Най, хлебнув пива. – Эта королева лебедей, которую ты подцепил в гримерной.

– Не было бы ее, взяли бы другую, – ответил Кайле. – Там полно девчонок в пачках было. И зачем им эти дурацкие юбки?

Маэль наморщил лоб и задумался.

– Она известная. Я уверен, что видел ее где-то. Лицо знакомое. Думаю, мы подцепили вчера не просто девочку. Вы помните ее имя?

Кайле и Най отрицательно помотали головами.

– Какое-то двойное. Или даже библейское... – пробормотал Сантана.

В памяти всплыл ее образ – злые голубые глаза, лиловое платье, блестящие темные волосы. Похоже, она обладала воистину лютым нравом, раз хотела переломать шеи своим коллегам. Отчего-то Сантана даже улыбнулся при этой мысли.

– Какая разница, Маэль, – отмахнулся Най. – Тебе все равно с девушками не везет. Их терпения хватает максимум на неделю. Наша работа поглощает все твое внимание. Забудь о ней.

Леманн сделал ход, побив козырного валета Кайле королем. Парни продолжали игру, а Маэль все пытался вспомнить имя девушки. В конце концов ему это надоело, и он присоединился к игре.

* * *

Ближе к вечеру у них кончилось пиво. Марсель погружался в сумерки, персиковое небо окрасилось фиолетовыми разводами. На улицах зажглись фонари, в воздухе пахло теплым вечером и выпечкой. Но оживленный город не засыпал, вечер был наполнен шумом машин, людскими голосами и музыкой, которая звучала из заведений. Франция жила второй жизнью – ночной.

В студии горел свет. Най и Кайле развалились на диване у камина, вытянув ноги. Огонь в нем потрескивал, языки пламени вылизывали дрова. Парни тихо переговаривались о чем-то, иногда посмеиваясь. Маэль накинул красную спортивную куртку, на голову натянул капюшон серой толстовки. На нем сегодня были очки в толстой черной оправе, контактными линзами без особой надобности он пользоваться не любил.

– Кому что? – спросил он, направляясь к входной двери.

По итогам раунда в «камень-ножницы-бумага» за едой сегодня шел Сантана. Довольные Най и Кайле повернулись к нему.

– Возьми пончиков из пекарни за углом, – сказал Леманн.

– Точно, и к ним пива, – добавил Нордан.

Маэльен кивнул, надел кроссовки и покинул студию.

Откровенно говоря, ему нравилось жить обычной жизнью. Маэль, как и все, любил ходить в булочную за круассанами, гулять по Марселю, вдыхая цветочный аромат из лавок флористов, и обедать в местных ресторанах. По вечерам он рисовал, слушал музыку и пил вино на балконе, любуясь на городские огни, а еще иногда посещал с друзьями выставки, ходил в кино и бывал в клубах. Он с удовольствием проводил выходные с семьей в Валенсии, ужинал у них в воскресенье и дарил своей шестилетней сестре подарки.

Сантана любил жизнь и умел ею наслаждаться. Свое второе «я», опасное и наглое, он выпускал только на работе, в ходе операций. Он, главарь «Лобоса», эдакий король всех воров и мошенников, объявленный в розыск Интерполом, в обычной жизни играл роль простого жителя Марселя, совершенно законопослушного и мирного. Это было одновременно и маской, и его внутренним стремлением.

Маэль шел по улице несколько минут, затем пересек дорогу и направился к пекарне, в витрине которой были выставлены торты, пирожные и капкейки. Внутри было тепло и ярко, стены украшены цветами, всюду расставлены круглые столики. Казалось, здесь все были словно напичканы эндорфином – кассиры приветливо общались с покупателями, улыбающиеся бариста проворно готовили напитки, люди за столиками болтали и наслаждались своим кофе.

Маэль заказал коробку пончиков. Ожидая заказ, он встал у стены и принялся рассматривать людей. Внезапно взгляд его наткнулся на единственную нахмуренную в помещении девушку.

– Анна-Мария, ваш заказ готов! – громко сказал кассир, и девушка подошла к кассе.

Маэльяна как током ударило: «Точно, ее звали Анна-Мария!»

* * *

Маэль. Его зовут Маэль.

Не зная полного имени, Анне-Марии будет тяжело найти его в Марселе. Да и точно ли он здесь? Быть может, он живет в другом городе или даже в другой стране. Ей хотелось мучить его, убить! Нет, лучше сдать Интерполу. Так унижить ее! Сорвать премьеру, не дать ей выступить, взять в заложницы, угрожать пистолетом! От одной мысли об этом у Валевской сжимались кулаки, ей хотелось врезать по стене или сломать кому-нибудь пару костей. Валевская была крайне жестокой. Такой ее сделали балет и дурной характер.

Она стояла, прислонившись к стене. На девушке был темный кроп-топ, черные брюки и кожаная куртка. Волосы она собрала в хвост. Своим тяжелым взглядом она буравила очередь в пекарне, в которую заскочила по дороге домой. Когда кассир выкрикнул ее имя, Анна-Мария молча подошла к прилавку и забрала розовый полосатый пакетик с эмблемой. Внутри лежали коробочки с выпечкой.

Она вышла из пекарни и едва успела пройти пару шагов, как ее окликнули и коснулись плеча. Недовольно обернувшись, Анна-Мария увидела мужчину – высокого, небрежно одетого, в капюшоне и очках. Про себя она отметила, что мужчина довольно красив. Он смотрел на нее и ухмылялся.

– Простите, мы нигде раньше не встречались?

Валевская остановилась. Окинув парня хмурым взглядом, она фыркнула:

– Не припомню.

То была ложь. У нее действительно появилось ощущение, что они и правда уже встречались. Эти глаза почему-то внушали ей беспокойство. И запах парфюма показался знакомым. Странно.

– У вас довольно необычное имя, – проигнорировав ее ответ, продолжил мужчина.

– Отстань, – равнодушно ответила Анна-Мария, – не отнимай время.

– Вы балерина, не так ли?

Валевская пристально смотрела на парня, прищурившись. Эти глаза, знакомый парфюм, испанский акцент... И *этот* голос.

У нее перехватило дыхание, и сердце ушло в пятки, когда она его узнала.

На несколько секунд она замерла, пытаясь разобраться в сумбуре мыслей. А мужчина просто развернулся и зашел обратно в пекарню.

По спине Анны-Марии пробежала холодная волна мурашек. Она кинулась следом за ним, распахнула дверь, влетела внутрь. Мужчина стоял у стены. Они встретились взглядами. Он улыбнулся, улыбнулись и его глаза.

Озорные серые глаза.

Внутри у Анны-Марии вспыхнуло горячее и тяжелое бешенство. Она метнулась к парню, глядя на него полными ярости глазами. Оказавшись рядом, она размахнулась и вlepила ему пощечину. Раздался громкий и звонкий шлепок. Все, кто находился в пекарне, испуганно уставились на них. Улыбка сползла с лица Маэля. Он был удивлен, даже опешил. Почувствовав неловкость и не зная, что дальше делать, Анна-Мария в наступившей тишине развернулась и пулей вылетела на улицу.

Она быстро шагала по тротуару, стуча каблуками. Сердце бешено колотилось, к лицу прилила кровь. Это был он, это был Маэль! Он пришел за ней? Он следил за ней? Что означала его злорадная ухмылка?

– Анна-Мария!

Услышав его голос за спиной, Валевская обернулась и крикнула:

– Я сейчас вызову полицию!

– Узнала меня, крошка? Ты такая умная! – в восхищении кричал Маэль, догоняя ее. – Куда ты побежала?

Валевская резко остановилась, глаза ее метали молнии. Она рывкнула:

– Не знаю, что тебе нужно, но сейчас ты ничего мне не сделаешь! Мы посреди Марсея! Маэль стоял напротив и улыбался:

– А тогда были в театре посреди спектакля. До тебя еще не дошло, что я непредсказуем? Я могу убить тебя прямо здесь.

Анна-Мария не понимала, что делать. Это случайность или он действительно хочет ее запугать? Она почувствовала, что у нее дрожат руки.

– Но ты права. Да я и не собираюсь убивать тебя.

– Тогда какого черта?! Что тебе нужно, больной придурок? Ты следишь за мной?

Маэль пожал плечами.

– Я даже не знал, что ты бываешь в этой пекарне. Но кто бы мог подумать, что ты такая сообразительная.

Он немного помолчал и добавил:

– Просто хочу убедиться, что ты не выдашь меня и не захочешь дать показания.

Валевская нахмурилась. Он без оружия, это точно. В руках – пакет из пекарни, видимо, он просто ходил за покупками. Значит, он ничего ей не сделает. Значит, она вольна делать и говорить что захочет.

Овладев собой, Анна-Мария приняла свой обычный надменный вид. Она зло ухмыльнулась, голубые глаза на веснушчатом лице потемнели.

– Я тебя не боюсь! Завтра же пойду и сдам тебя Интерполу, понял, козел? А сделаешь еще хоть шаг или пойдешь за мной, я крикну, и тебя повяжут прямо здесь!

Сантана усмехнулся про себя: «Какой интересный поворот!»

– Девочка хочет поиграть с огнем? Думаешь, я тебя не найду?

– Сказала же: проследишь за мной – и пожалеешь об этом!

– Мне даже следить за тобой не придется. Лучше не испытывай судьбу.

С презрением фыркнув, Анна-Мария развернулась и пошла дальше по тротуару. Маэль остался стоять на месте, провожая ее взглядом.

Сама напросилась.

* * *

Конечно, он свое получил. Осторожный Най, как обычно, начал ворчать: лучше бы Маэль сразу ушел, едва узнал Валевскую. А Кайле добавил, что сучку нужно было как следует напугать. В итоге все отметили, что проблему надо устранить.

Именно поэтому Маэль сейчас сидел в кресле на балконе четвертого этажа и ждал. Это был старый дом в центральной части города с изысканной и исконно французской архитектурной отделкой и слуховыми окнами в крыше. На подоконниках всюду были ящики с цветами. Он перебрался сюда с балкона соседней пустующей квартиры, вскрыв ее входную дверь. Над головой Маэля было чистое и глубокое темное небо с россыпью ярких звезд, горела полная желтая луна. Пахло прохладой и ночью, дорогами и ветром.

Маэлю не составило труда узнать адрес Анны-Марии Валевской, а также некоторые детали ее биографии. Он встал, поправил кобуру, в которой ждал своего часа смит-вессон, спокойно открыл двери балкона и шагнул в комнату. Внутри было темно и тихо. Квартира-студия была небольшой, но с высокими потолками. Он разглядел в темноте кухню, барную стойку, диван с кучей подушек и балетный станок рядом с открытой дверью в какое-то помещение, очевидно в гардеробную. У стены стояла кровать со скомканным постельным бельем. Пустая.

Хмурясь, Маэль стал оглядываться. Анны-Марии нигде не было. По квартире разливался бледный свет луны. Он не увидел здесь никаких создающих уют безделушек, которые так любят женщины, и цветов. Кое-где стояли пустые пластиковые бутылки из-под воды, у станка валялись пуанты.

– Ну и куда ты подевалась, моя принцесса? – шепотом спросил Маэль.

Тут он услышал шум воды и заметил рядом с кухней еще одну дверь, из-под которой пробивалась полоска света. Все ясно, она в ванной. Странно только, что в четыре утра. Сантана вытащил из кобуры револьвер и взвел курок.

* * *

– Это правда, что у тебя русское происхождение?

Вопрос громом прозвучал в темноте, едва Анна-Мария вышла из ванной, вытирая длинные темные волосы полотенцем и раздумывая о завтрашней репетиции.

Она вскрикнула от испуга, полотенце выпало из рук. Маэль сидел на спинке дивана и абсолютно спокойно смотрел на нее, держа в одной руке пистолет, а в другой – бокал с виски. *С ее виски.* Он был все так же одет в толстовку и джинсы, только очков теперь не было. Из-за открытой настежь балконной двери в комнату проникал уличный шум.

Анна-Мария в полосатых пижамных шортах и тонкой белой облегающей майке в ужасе уставилась на него. В горле у нее пересохло.

– Какого черта ты здесь делаешь?.. – прошептала она, лихорадочно соображая, как будет защищаться.

– Я вот прочел, – ровным голосом продолжил Маэль, – что твои предки имели дворянский титул и эмигрировали сюда, во Францию, из России во время революции, в начале двадцатого века. Это правда?

Анна-Мария краем глаза увидела на барной стойке нож, которым обычно чинила пуанты.

– Да, это правда.

Она не отрываясь смотрела на Маэля, на его пистолет и при этом сделала крошечный шаг к стойке. Первый сильный испуг уже прошел, Валевская вообще не привыкла бояться.

– Пришел мне рот заткнуть?

– Да, я же сказал, что найду тебя, детка.

Анна-Мария резко повернулась, схватила нож и направила его на Маэля. На лице у нее появилась злая ухмылка.

– Только дернись, и я убью тебя.

– А я – тебя.

Сантана спокойно поднял руку с пистолетом и наставил его на Валевскую. Сейчас они были как двое волков, готовых кинуться друг на друга. Но если Маэль как будто играл с ней, то Анна-Мария приготовилась биться насмерть. Девушка сделала к нему шаг, держа в руке нож.

– Ты унизил меня и сорвал мою премьеру. Понимаешь, какой это стыд? Что это за будущая прима, над которой все смеются? Меня должны ненавидеть, а не насмехаться надо мной.

– Почему тебя должны ненавидеть?

– Работа такая – вызывать зависть и ненависть.

Маэль сощурился с сомнением.

– Что это за жизнь, в которой главная цель – вызывать зависть? Ты вообще *живешь*?

Анна-Мария немного опешила и закусил губу. Она все так же держала перед собой нож, но уже не думала о нападении. Парень, казалось, был совершенно расслаблен – сидел, потягивая виски, спокойно разговаривал с ней, словно подруга. Его не волновало и то, что Анна-Мария живет напротив дорогого отеля, гости которого через окно могут увидеть их стычку.

– Что? Тебе какое дело? – спросила она. – Сам-то от хорошей жизни начал воровать? Маэль словно ждал этого вопроса.

– Я счастлив и доволен жизнью. А вот ты, похоже, только и делаешь, что пытаешься самоутвердиться. Тебя недолюбили в детстве и мало хвалили?

Анна-Мария едва не зарычала. Злость придала ей решительности, она вытянула длинную ногу, выбила пистолет из рук парня, а потом кинулась на него. Маэль толком не успел сообразить, что происходит. Он выронил стакан с виски, когда эта фурия налетела на него, не удержал равновесие, и они вдвоем перевалились за спинку дивана и упали на пол. Валевская села верхом на Маэля и приставила нож к его горлу, а другой рукой вцепилась в его толстовку. Она тяжело дышала от переполнявшей ее ярости. Сантана снизу вверх удивленно смотрел на эту девушку, склонившуюся над ним. Ее волчьи глаза горели в темноте, темные пряди волос разметались по худым плечам, гибкая линия талии переходила в бедра, образуя тугой узел мышц.

– Надеюсь, теперь у тебя больше нет вопросов к моей жизни, когда ты можешь лишиться своей.

У Маэля и правда не было вопросов. Как и слов вообще. Он был поражен образом этой опасной и отчаянной девушки. Теперь он смотрел на нее по-другому.

– Я убью тебя, – прошипела она, – за премьеру, за унижение, за то, что решил убить меня и пришел сюда. Я слишком многое пережила, чтобы ты мог угрожать мне.

Так и было. Но дикий и мстительный характер Анны-Марии помогал ей бороться до последнего и добиваться своего. Ей всегда казалось, что для нее нет ничего невозможного. Что она готова на все, лишь бы стать примой. Вот и сейчас она прижимала к полу самого разыскиваемого вора Европы и могла убить его.

– Ты жестокая, ты готова идти к своей цели по головам. Анна-Мария, ты – опасная, – в восхищении сказал Маэль.

– Сказал вор, объявленный в розыск.

Эту пару нельзя было назвать удачной: балерина, которая решила поиграть во взрослые игры, и первоклассный вор. Волею судеб они столкнулись и теперь были словно связаны.

– Мы с тобой волки, – спокойно сказал Сантана.

– Либо ты меня убьешь, либо я тебя, – ответила Анна-Мария. – Ты не хочешь, чтобы я пошла в полицию, а я не хочу тебе повиноваться или быть убитой. Поэтому тебе конец.

Вдруг она ощутила, что большие руки Маэля оказались у нее на бедрах.

– Что за?..

Но было уже поздно. Сантана молниеносно приподнял Анну-Марию и сбросил на пол, а потом всем телом навалился сверху. Нож оказался где-то далеко, отброшенный. Теперь они поменялись местами. Маэль прижал кисти девушки к полу и склонился над ней. Она смотрела на него с испугом и часто дышала. Он облизал губы.

– Или тебе конец, детка, – пропел он. – Видишь, какая игра интересная? То я веду, то ты. Конечно, когда ты сверху, так куда сексуальнее. Но умирать я пока не готов, поэтому теперь главный я.

Анна-Мария молча смотрела в его блестящие серые глаза и ждала, что будет дальше. Что ей еще оставалось делать? Он тоже смотрел на нее в упор.

– Но я не хочу делать тебе больно, – продолжил он, – я хочу, чтобы ты оставалась живой.

Внезапно Маэль резко встал и, обхватив Анну-Марию за талию, рывком поднял ее, прижав к себе. Они снова оказались лицом друг к другу.

– Что? – тихо спросила она.

Он ослабил хватку, его руки скользнули по ее телу и остановились на изгибе бедер. Он хищно ухмыльнулся. Смотрел на нее уже иначе.

– Я не убью тебя, ты слишком умная и красивая. Еще и опасная. Ты – ценный экземпляр.

Анна-Мария чувствовала странный, почти животный страх. Непредсказуемость Маэля пугала ее. Он пробирается к ней в квартиру и грозит убить, а теперь, имея возможность сделать это, отказывается и вместо этого прижимает к себе и восхищается ею. Валевская всегда впадала в ступор перед неизвестностью и непредсказуемостью.

– Я, знаешь, натуральный фаталист. Мне кажется, что наша с тобой встреча – это судьба. Нельзя игнорировать такие настойчивые ее намеки. Мы встретились не просто так. Думаешь, я пришел сюда, чтобы убить тебя?

Он смотрел на нее с легкой усмешкой. Так взрослые посмеиваются над не понимающими очевидного детьми.

– Ты ненавидишь этот мир и эту жизнь, верно? Крутишься в балетной индустрии среди лицемерных коллег, похотливых спонсоров и беспощадных хореографов и режиссеров. Как тут можно полюбить жизнь? – Маэль шептал все это на ухо Анне-Марии, легко касаясь губами ее шеи. – Ты не можешь расслабиться и отпустить себя.

– Отойди от меня, – испуганным голосом сказала она.

– Когда отчаешься и возненавидишь свою жизнь еще больше – просто позвони мне. Я научу тебя жить.

Маэль отпустил потрясенную Анну-Марию, спокойно обошел диван, поднял с пола пистолет, поставил его на предохранитель и сунул в кобуру. Ему попался на глаза валявшийся на столе ежедневник. Маэль взял ручку, нагнулся и что-то быстро записал в нем.

После этого он пошел к балконной двери, но вдруг остановился и еще раз глянул на девушку. Она все еще стояла, уставившись на него. Маэль улыбнулся.

– Ты охерительно великолепна, знаешь об этом?

Потом развернулся и вышел на балкон. Послышалась какая-то возня, и Маэль исчез в темноте.

Глава 3. Кроличья нора

Сволочь. Какая же он сволочь!

Анна-Мария сидела в углу, разминая ступни перед репетицией, и с непередаваемой ненавистью смотрела на Аллена Неве, режиссера труппы. Этот напыщенный подхалим весь день ластился к новой примае, Софи. Раньше он пел дифирамбы Валевской о том, как она талантлива и прекрасна. А что теперь? Главную роль в этом сезоне получила другая.

После того случая на премьере Аллен совсем охладел к Анне-Марии. Перекидывался с ней парой фраз, а потом бежал обратно к своей примае, к Софи, к этой слащавой блондинке, которая словно облитый патокой сливочный приторно-сладкий торт. Анна-Мария ненавидела сладкое.

Сегодня на ней был джемпер крупной вязки, оголяющий плечи, легкая шифоновая юбка и лосины. Свои густые темные волосы она собрала в хвост. На ногах – угги, но уже голубые. Те, розовые, Валевская выкинула. Глядя на них, она каждый раз вспоминала фразу Маэля: «Классные туфельки».

С той ночи в ее квартире она все думала о нем, непредсказуемом и безумном. Наверняка он может улыбаться, когда отрезает кому-то голову, может ударить, а потом обнять и поцеловать. В его голове словно не было четкой системы, он потакал своим желаниям и побуждениям, не планируя наперед. Спонтанный, дикий... И при этом действующий всегда наверняка.

Чем он руководствовался, когда вломился к ней? Грозился убить, если Анна-Мария будет болтать, угрожал ей пистолетом. А потом поцеловал в шею, наговорил комплиментов, оставил свой номер и пропал.

– Какого, нахрен, черта, твою мать? – прошипела тихо Валевская.

– Прима негодует уже с утра?

Этот насмешливый голос мог принадлежать только одному человеку. Перед Валевской стоял один из главных солистов, их ангел – белокожий и беловолосый, с заостренными чертами лица и фиолетово-голубыми глазами, взгляд которых всегда казался слегка мечтательным и отсутствующим. Он весь словно светился, и порой действительно можно было поверить, что этот человек сошел с небес.

Но это было не так. Все объяснялось просто – Северин Каст страдал альбинизмом. Отсутствие пигмента меланина в теле сделало его таким. Поэтому он был словно светлое пятно в их разномастной труппе. Эта врожденная особенность сделала его любимцем публики и звездой балетной сферы. А некоторые особо впечатлительные люди и вовсе сразу в него влюблялись.

– Северин, – обратилась к нему Анна-Мария, – ты чертовски не вовремя.

Он сел рядом с ней и тоже начал разминать ступни в теплых мягких тапочках. На фоне серой майки и черных брюк кожа его белела как снег. Северин поглядывал на Анну-Марию и улыбался по-доброму. Он был единственный, с кем она могла спокойно общаться, кого не приходилось *терпеть* и с кем она, наверное, даже водила дружбу. По крайней мере, в этом убеждал ее он.

– Давай, расскажи, – пихнул он ее в плечо, – не дуйся.

– Хорошо тебе, ты танцуешь одни главные роли, – пробормотала Анна-Мария.

– Не ной, Валевская. Ты же знаешь, я тоже хочу, чтобы ты стала примой и чтобы мы танцевали вместе. Аллен, наша *голубая* звездочка, просто капризничает. Подожди немного, и он сам прибежит к тебе с ролью.

Анна-Мария рассеянно кивнула. Да, ее бесило то, что она пока просто солистка, но сейчас она думала о другом. Маэль. Он оставил ей своей номер. Зачем? Что он хочет от нее? Сказал, чтобы она позвонила, когда отчается и возненавидит мир больше, чем сейчас.

А куда больше?

Она почувствовала на плече руку Северина, который обеспокоенно смотрел на нее. При ярком дневном свете было видно, как его белесые ресницы, словно густой ковровый ворс, обрамляют бледные голубые глаза.

– Ты переживаешь из-за премьеры?

– Что было, то прошло, – ответила Анна-Мария. – Но знаешь...

Она запнулась. Болтливость была для нее нехарактерна, но поделиться с Северином она всегда могла.

– Что?

– Север, пообещай, что будешь молчать, – вкрадчиво проговорила Анна-Мария.

– Ты кого-то убила? – спросил он. – Я знал, что ты способна на это. По тебе видно, знаешь.

Анна-Мария нахмурилась.

– Ты совсем дурной? – она чуть наклонилась, глубоко вздохнув. – В общем, слушай. На днях я столкнулась с одним человеком. Он очень опасный. По-настоящему опасный, он может убить. Он пристал ко мне, мы с ним почти подрались. Так вот... Он все вертится у меня в голове.

– С кем ты связалась? – недовольно спросил Северин. – Что происходит?

– Его зовут Маэльен.

– А, ну это все объясняет! – с сарказмом ответил друг.

– Я все время думаю о нем. Интересно, кто он такой и что ему нужно от меня.

Северин задумался. Ему было двадцать три года, и его балетная карьера стабильно шла в гору. В их сфере его знали все, и не только благодаря волшебной внешности, мастерство также сыграло свою роль. Их с Софи дуэт в новом балете «Спящая красавица» все ждали с трепетом. А потом появился этот Маэльен и сорвал долгожданную премьеру с противной Софи в главной роли. Может, он не так уж и плох?

– Уверена, что все в норме? – спросил Каст. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Анна-Мария. Тебе сейчас нужно сосредоточиться на работе, чтобы тебя сделали примой.

Валевская кивнула. Мысли о Маэле серьезно отвлекают. Обычно труппа берет два проекта на один сезон, поэтому, репетируя «Спящую красавицу», французская балетная труппа Марселя выбирала и второй проект. И Валевская чертовски надеялась, что в нем она получит главную роль.

Пока Северин и Анна-Мария разговаривали, в танцклассе, где проходила репетиция, началось какое-то движение. Аллен вышел в центр, готовясь сделать объявление. И все знали, о чем он хотел сказать: начиная с сегодняшнего дня в студии будут проходить пробы на роли в новом спектакле. Каждый покажет, на что способен, и режиссер сделает свой выбор. Для Анны-Марии это был шанс. Хотя, учитывая охлаждение их с Алленом отношений, получить роль будет весьма непросто.

Валевская была уверена в своих силах. Ведь солисткой она была уже давно, самое время ей стать примой. Спонсоры от нее в восторге, фотографы мечтают снимать ее из-за прекрасного тела и выразительной внешности. Ее техника отточена до совершенства. Она заработала авторитет везде, где только могла. Работа вообще была смыслом жизни Анны-Марии. И если она провалит пробы, для чего тогда жить? Для нее не было большей радости, чем танцевать на сцене. Но в этом ли ее счастье? Валевская уже не была так уверена.

* * *

С самого утра все шло великолепно: чудесная погода за окном, терпкий кофе и сытный завтрак, приятная прогулка по набережной, интересная книжка в полдень. А потом хорошее итальянское вино к обеду и флирт с симпатичной флористкой в магазине на углу. Маэль мог бы наслаждаться этим днем вечно. И ничто не могло его омрачить. Кроме звонка Ная Леманна.

– Слушаю тебя, Най, – буркнул Маэльен, нависая над полуобнаженной девушкой.

Флирт перешел в объятия, он почти раздел ее, и тут в заднем кармане джинсов завибрировал мобильный. Теперь девушка выжидающе смотрела на Маэля, поправляя прическу. Маэль и сам был взлохмаченный и голый по пояс – он успел снять футболку, пока ему не позволили.

– Привет, красавчик, – поздоровался Най. – Занят?

– Немного, – коротко ответил Маэль.

– У меня тут дело есть.

– Выкладывай.

– Тебе же нравятся бриллианты? Ну, те, что в ювелирных магазинах Cartier или типа того.

– Допустим, – снова коротко бросил Маэль, глядя на девушку. Она закусила губу и улыбнулась.

– Есть предложение одно. Но дело сложное, вчетвером нам не справиться.

– Поговорим в студии, о, кей?

Маэль сбросил вызов. И его чертовски разозлила эта информация. Ограбить хороший ювелирный всегда здорово и прибыльно. Иногда бывает просто повернуть такое дело, но если охрана на высоте, сложность возрастает. Однако параллельно с этим растет и выигрыш, который можно получить. Если Най сказал, что вчетвером им не справиться, значит, все плохо. Но раз вообще предложил, значит, дело того стоит.

Сантана, думая обо всем этом, и вовсе забыл, что перед ним лежит горячая девушка, которая уже задалась. Она дотронулась до его руки:

– Эй, мы продолжим или как?

Маэль вернулся к реальности и, нахмурившись, ответил:

– Прости, детка, у меня кое-какие дела.

Потом поднял с пола футболку, натянул на себя и собрался уходить.

* * *

Припарковав свой белый Porsche у высокого здания, Маэль надел солнцезащитные очки и вышел из машины. Светлая футболка делала его загорелую кожу еще смуглее. Подходящие мимо девушки засматривались на него, а он им игриво подмигивал, не стыдясь. Окружающие считали Сантану богатым и безалаберным красавчиком-испанцем, который неизвестно откуда берет деньги. Как раз такие и нравятся женщинам. И лишь он один знал, как непохожи его дневная и ночная жизнь. Если днем он – парень с обложки Men's Health, то ночью они с друзьями зарабатывали деньги способом грязным и опасным, но дарящим азарт и те яркие моменты, ради которых и жил Маэль. Он любил жизнь, любил адреналин. И его работа, где были важны скорость, интеллект и обаяние, как раз удовлетворяла все его потребности. Он был доволен жизнью, но на людях предпочитал умалчивать о том, как зарабатывает. Когда его спрашивали, на что он живет, Маэльен лишь пожимал плечами и отвечал: «Ничего интересно, я просто специалист по ценным вещам», а потом, ухмыльнувшись, спрашивал: «Кстати, а вы пробовали настоящую испанскую паэлью⁸? Клянусь богом, моя мама готовит ее лучше всех!» Если не вдаваться в подробности, с виду дело обстояло так: Маэль Сантана был довольным жизнью жителем Марселя, богатым и беспечным. Узнать иные его стороны означало бы усложнить себе жизнь и испортить этот образ идеального парня. И Маэль понимал это.

Знал ли его кто-нибудь как свирепого и ловкого участника группировки «Лобос»? Да, таких людей было не больше десяти. И каждый готов был унести эту тайну в могилу.

⁸ Блюдо испанской кухни из риса, морепродуктов, курицы и овощей.

Маэль взбежал по лестнице до тяжелой железной двери, набрал нужную комбинацию на кодовом замке и вошел в студию. Най и Кайле уже сидели за столом и играли в карты.

– Ты вовремя, амиго, – сказал Кайле Нордан со своим британским акцентом. – Тебя ждут новости, и не очень хорошие.

– Най уже рассказал мне все, что требовалось, – произнес в ответ Маэль, беря стул и тоже усаживаясь за круглым рыцарским столом. – Я готов вникать в дело.

– Готов взяться, несмотря на опасность и явную нехватку сил в нашей команде? – нахмурился Кай. – Ты уверен?

– Да это дело для него как красная тряпка для быка, – скучающие бросил Леманн, рассматривая свои карты. – Я знал, что Маэль захочет взяться.

Сантана лишь развел руками – мол, так оно и есть, и ничего страшного в этом нет. Нордан отложил карты и уставился на Найа, который, вдохнув, начал рассказывать:

– В общем, на главной улице есть магазин известной ювелирной сети Amoig. Там сейчас хранятся очень любопытные экземпляры драгоценностей, которые Кристиан, наш любимый всезнайка и всевидящее око, оценил примерно в пять миллионов евро. Нехилый куш, да?

Маэль видел, как зеленые глаза Найа сверкнули, когда он назвал сумму. Значит, каждый получит примерно по миллиону с лишним евро – притом что доля Маэля обычно была чуть больше остальных. Он потер подбородок, задумчиво сощурившись, и спросил:

– Звучит просто супер. А теперь неприятные стороны дела, Най.

Леманн кивнул, закатал рукава полосатой рубашки и заговорил бегло и вкрадчиво:

– Есть одна проблема. Там новая система охраны, модели T-Ji 201700, которая реагирует почти на любой шорох. Вырубить ее возможно, но для этого нужно точно знать места расположения камер, чтобы отключить их. Я уже не говорю о том, что нужно узнать планировку самого здания магазина.

– И что сложного? – вскинул брови Маэль. – Сделаем все как обычно: под видом покупателей побываем там, рассмотрим все хорошенько и заснимем. И смоемся.

Кайле отхлебнул пива из бутылки и помотал головой. Его необычные черно-белые волосы разлохматились – пока Най рассказывал, он все ерошил их в задумчивости.

– Не так все просто, – сказал он. – Камни и украшения, которые нам нужны, выставлены в ВИП-зале. Там же находятся камеры и главный компьютер системы охраны. В ВИП-зал пускают лишь тех снобов, которые уже известны своими riches-bitches-покупками.

– Проще говоря, кому-то нужно попасть в ВИП-зал, и при этом чтобы консультант и ювелир, глянув на тебя, подумали: «О, этому месье точно нужно предложить особые коллекции, и подороже», – продолжил Найлим. – Мы, три парня, с этим не справимся. Зачем нам столько дорогих украшений? Игра будет неубедительной.

Сантана вздохнул:

– Так, и что же вы предлагаете? Нужно как-то проникнуть в ВИП-зал, пронести туда камеру и сделать вид, что хочешь скупить полмагазина, я прав?

Най и Кай кивнули. Маэль задумался. Проблема и правда была серьезная. Купить украшения – ерунда, это инвестиция в выигрышное дело, да и денег у «Лобоса» достаточно. Но как пронести камеру и что такого наговорить продавцам, чтобы пропустили в ВИП-зал?

Внезапно у Маэля появилась странная идея:

– А что, если разыграть молодоженов? Типа противная парочка, богатенький муж хочет подарить своей жене самую дорогую и блестящую побрякушку на первую годовщину свадьбы. Знаете, этот типичный треп а-ля: «Мы хотим что-то особенное, что-то подороже и покруче обычных Rolex»

– Да, а жена должна быть вся увешана украшениями, купленными в этом самом магазине, чтобы поубедительнее, – улыбнулся Кайле.

– И запихнуть камеру ей в лифчик! Туда охрана точно не полезет, – засмеялся Маэльен. – А если что, я буду ревнивым испанским мужем, который устроит скандал.

Сантана и Нордан довольно переглянулись. Напряженным оставался лишь Най, который, потирая виски, пробормотал:

– План хорош, конечно. Но это именно то, о чем я говорил: у нас в группе четверо парней. Маэль и Кайле сникли. А Леманн, встав из-за стола, решительно произнес:

– Нам нужна девушка.

* * *

Солнце начало садиться, окрасив горизонт в кроваво-алый. Анна-Мария поставила чашку с кофе на стол и смотрела на небо, откинувшись на спинку кресла. Сегодняшний закат поражал своей экспрессией, яркими красными и оранжевыми вспышками. В такие моменты Валевская забывала о работе, о конкуренции и о проблемах со стопами. В такие моменты она забывала обо всем.

Темные густые волосы, собранные сзади во французский узел, Анна-Мария сегодня спрятала под широкополой шляпой, на глазах были темные очки. Она думала о чем-то своем, теребя край белой шелковой рубашки. Пару минут спустя вернулся Северин Каст. Он сел рядом, размазывая крем по белым рукам.

– Ну как ты, малышка? – спросил он. – Кофе помог тебе расслабиться после работы?

Он пригладил белоснежные волосы и, улыбнувшись, взял свою чашку в руки. Анна-Мария кивнула.

– Да, напряжение как рукой сняло. Ты знаешь, Север, пробы на роль проходили всего три дня назад, но я уверена: в этот раз получится. Мне кажется, Аллен утвердит меня на роль Жизели в новом балете. Я чувствую это.

Северин снова улыбнулся, радуясь такой перемене настроения у обычно хмурой и серьезной Анны-Марии. Они дружили почти все то время, которое работали в труппе. Первое время Валевская ненавидела Каста за то внимание, которое он получал из-за внешности. Но вскоре, поработав с ним в паре, она поняла, что ей даже уютно рядом с Северином. Он готов был выслушивать ее проклятия в адрес других балерин и согласился быть ее партнером, после того как она разогнала всех, по ее словам, «неумелых балерунов» и решила, что готова танцевать лишь с Севером. Также он иногда приходил к ней в гости и оставался ночевать. Расчесывая ее темные волосы, он рассказывал про свои многочисленные интрижки. Анна-Мария и Северин давно бы уже переспали, как заведено в балетной сфере, если бы не один момент: Северин был ветреным бисексуалом и, закрутив роман с Валевской, мог тут же переключиться на любого другого парня или девушку. Такого отношения Анна-Мария бы не стерпела. Поэтому они решили сохранить дружбу, хотя он всегда твердил, что Валевская, безусловно, прекрасна и соблазнительна.

Они даже договорились пожениться лет через десять и всегда поддерживать друг друга. Анна-Мария продолжила бы спать с теми, кто ей нравится, как и Северин, при этом не закатывая скандалы и выяснения отношений, как это бывает у многих пар. А еще они ходили бы вместе на показы мод, обсуждали новые коллекции Chanel и Dior, а потом оттачивали па-де-ша. Вдвоем они стали бы самым знаменитым и сильным балетным дуэтом. Такой у них был план.

– Я рад, детка, что ты так думаешь, – ответил Северин. – Потому что мне позвонил Аллен и сказал, что роли распределены. Сейчас все едут в студию, чтобы узнать, кто кем будет. Правда здорово?

Валевская вскочила из-за стола, придерживая шляпу, и воскликнула:

– Наконец-то! Главная роль моя! Ставлю сорок евро, что в этом сезоне мы с тобой танцуем вместе!

Каст засмеялся. Расплатившись, они взяли такси до театра и по дороге обсуждали будущие тренировки.

* * *

Вот уже три дня шло оживленное обсуждение того, где найти подходящую кандидатуру на роль избалованной жены богача. Какой она должна быть, разумеется, было понятно: циничной и хитрой, умной и сообразительной. Назревало дельце такого масштаба, что в студию приехал даже Кристиан, их координатор, который обычно следил за ситуацией со стороны. Это был очень худенький молодой человек, что не удивляло, поскольку он работал в IT-сфере. Русые волосы прядями падали на лицо, он убирал их назад заколками. Сейчас он внимательно следил своими карими глазами за ходящим туда-сюда по студии Наем.

– Ну хорошо, – зазудел тот снова, – мы уже все решили: какая она, как все будет. Только вопрос – где нам взять эту диву?

Кристиан и Кайле переглянулись. Они сидели за столом, уплетая теруэльский мигас⁹, приготовленный Маэльеном. Тот в свою очередь что-то шинковал на кухне и тоже слушал. Готовить он очень любил, это его расслабляло.

– Проще говоря, вы ищете алчную суку, которая готова ради денег на все, – с улыбкой резюмировал он. – Ну или которая настолько отчаялась, что не побоится сотрудничать с нами.

– Именно! – щелкнул пальцами Най. – В голову приходит только женская тюрьма...

– Тот факт, что она в тюрьме, означает, что она не настолько хороша, как нам требуется, ведь ее поймали и посадили, – заметил Кристиан.

Кайле погрустнел, уставившись в тарелку, и спросил:

– Черт, да где ее взять-то тогда? Она, вероятно, неуловима, если с таким набором качеств уже крутится в криминальных кругах.

Они продолжили с жадностью поедать стряпню Маэля, который на минуту задумался. А Най прикрыл глаза рукой. Он уже не верил, что у них что-то получится. Тут Маэль медленно повернулся, ухмыляясь:

– Вы не рассмотрели один вариант. Эта циничная и ловкая особа может и не вращаться в криминальных кругах. Она зарабатывает законным способом. И ее можно отыскать и предложить к нам присоединиться. Когда она поймет, что дело рискованное, то согласится с нами работать.

– И кто же она? – Леманн нахмурился.

– Есть один вариант, – довольно ответил Сантана. – Но нужно подождать.

В его голове снова всплыл тот удивительный образ, который преследовал его уже почти неделю и вызывал восхищение.

* * *

– Дайте пройти! – рявкнула Анна-Мария, протискиваясь в толпе танцовщиц кордебалета к стене, на которой был вывешен список ролей.

– Кто это тут у нас расшипелся? – захихикали они. – Малышка-заложница, принцесса сорванных премьер!

– Настолько завидует Софи, что была и рада стать жертвой, лишь бы не пустить приму на сцену, – прокомментировал кто-то.

---

⁹ Блюдо испанской кухни из вымоченного в подсоленной воде, раскрошенного и обжаренного хлеба с добавлением мяса, овощей и специй.

Валевская остановилась и медленно обернулась. Ее прищуренные голубые глаза в обрамлении темных ресниц смотрели с презрением. Ледяным тоном она ответила:

– Писк жалких сучек из кордебалета меня не задевает. Вякнете еще – и я вам языки поотрываю. И не забудьте выблевать свой ужин, анорексички, иначе разжиреете как свиньи и не влезете в сценические костюмы.

Балерины замолчали и насупились. Анну-Марию за плечи обнял Северин. Рядом с ними стояла Софи, ее светлые вьющиеся волосы были собраны в хвост. Все высматривали в списке свои имена.

– Есть! – воскликнул Каст, заулыбавшись. – Главная роль моя!

Валевская обняла его и с улыбкой продолжила искать свою фамилию. Полная надежд и ожиданий, она предвкушала ту секунду, когда увидит свое имя рядом со словом «Жизель» и весь кордебалет проглотит языки, а Софи повырывает свои светлые космы от злости.

Нужно найти лишь имя, свое имя. Та самая секунда – вот она...

– Боже, я Жизель!

– Иначе и быть не могло, ангел мой! – воскликнул Аллен. – Ты наша королева лебедей!

Софи бросилась ему на шею. Анна-Мария прочла: «Софи Монтескье – Жизель». Главная роль у Софи.

В глазах потемнело. Жизнь словно замедлила ход, свет померк. Визги и смех смешались в один бурный поток звуков. Воздуха стало мало, он вовсе перестал быть нужным. Валевская не слышала, как Северин обнял ее за плечи и спросил:

– Детка, ты как?

Все потеряло смысл. Анна-Мария ненавидела этот мир еще больше, чем когда-либо.

Она освободилась из рук Северина и медленно побрела по коридору, глядя в пустоту ничего не видящими глазами. В душе металась одновременно и ненависть, и отчаяние, и беспомощность, и ощущение бессмысленности. Все перестало быть важным, нужным.

Спустя полчаса Валевская обнаружила себя рядом с переулком – темным, сырым, утопающим в вечернем сумраке. Анна-Мария вдруг вспомнила, как ее затащили сюда сильные руки. Сорванная премьера. Озорные серые глаза.

Маэль. *«Когда отчаешься и возненавидишь свою жизнь еще больше – просто позвони мне. Я научу тебя жить».*

Научи меня. Научи жить, иначе я умру от этой всепоглощающей ненависти.

Ее постепенно окружала темнота. Валевская набрала дрожащими пальцами этот единственный важный номер, который давно знала наизусть. Отчаяние, обида и унижение достигли пика. В этот момент в голове крутились только его слова. Мужской голос ответил не сразу:

– Привет, кисулька.

– Я ненавижу мир больше, чем когда-либо.

Молчание несколько секунд.

– Заберу тебя через пару минут.

Вызов оборвался. Анна-Мария только что словно упала в кроличью нору, только не как у Льюиса Кэрролла, а в темную и мрачную, полную опасностей. Этой норой была жизнь Маэльна Сантаны – того, кто за улыбкой прячет, наверное, не один скелет в шкафу. И теперь он ехал за Анной-Марией, чтобы забрать ее и отвезти туда, где спрятаны эти скелеты.

Либо ей конец, либо все только начинается.

Глава 4. Феерия

Они ехали в молчании. Анна-Мария уставилась в окно, внутри до сих пор зудили ярость и отчаяние. А Маэль вел машину и смотрел на дорогу.

Он догадывался, что случилось что-то серьезное: балерина, которая всю жизнь посвятила работе и терпеть не могла Маэля из-за его выходы на премьеры, вдруг сама позвонила ему. Интересно, что же могло настолько сильно выбить ее из колеи, что она, преодолевая гордость и злость, сама позвонила и попросила забрать ее? Она сильная и уверенная в себе, но сегодня что-то поколебало эту уверенность. Анна-Мария ненавидела этот мир, а теперь возненавидела еще больше, и Маэлю было интересно почему.

– Что-то случилось? – наконец заговорил Сантана. – Мне завтра надевать шубу?

Валевская, вскинув брови, с недоумением посмотрела на мужчину:

– Что ты несешь?

– Либо ты сама захотела позвонить мне, а это настолько невероятно, что завтра, наверное, в Марселе снег пойдет, а значит, нужна шуба, – ответил Маэль, – либо случилось что-то серьезное.

Анна-Мария закатила глаза и тяжело вздохнула, откинувшись на сиденье. Привыкшая всегда держать идеальную осанку, она сейчас расслабилась и забылась. Но когда мысли ее возвращались к работе, кровь вскипала и била в голову, вновь вызывая исступление. У Валевской не было никакого желания обсуждать все это и тем более делиться с Маэлем. Она промолчала. Сантана окинул ее заинтересованным взглядом, ухмыльнулся и сказал:

– Ладно, молчунья, можешь не говорить, но потом все равно придется.

– С какой стати? – нагло спросила Анна-Мария.

– Ты сама не знаешь, куда едешь, малыш, – пожал плечами Маэль. – Раз согласилась ехать со мной, значит, ты уже в деле.

Валевская презрительно вздернула подбородок и ответила:

– Нет. Если захочу – выпустить прямо сейчас, и я уйду.

Белая блестящая машина остановилась на светофоре. Очень кстати, потому что Маэль убрал руки с руля, повернулся к Анне-Марии и, сощуривая внимательные серые глаза, холодно произнес:

– Наивная. Откажешься, и я тебя убью. Это не игра. Ты согласилась пойти со мной. Ты отчаялась настолько, что готова на все, лишь бы не возвращаться в свой гадюшник. И я предоставлю тебе убежище, а взамен ты будешь покорной девочкой и прекратишь так откровенно выпендриваться.

Валевская напряглась.

– Я тебе не мальчишка со двора, – продолжил Маэль с сильным испанским акцентом. – Я чертов глава криминальной группировки. Не забыла? Я условия ставлю, а не ты. Если я сейчас вежлив с тобой, это не значит, что мне тебя жаль и я не нажму на курок в случае чего.

На несколько секунд наступило молчание. Они буквально впились друг в друга взглядами, словно ведя немой разговор. Анна-Мария, которая все так же сидела откинувшись, спокойно сказала:

– Ну давай, убей, – ее голубые глаза сверкнули от злости. – Меня все равно ничего не держит. Я не боюсь тебя. Но учти: я выцарапаю тебе глаза перед тем, как перестану дышать. Попробуй тронь меня, и я выбью из тебя дурь.

В машине сейчас была тяжелая атмосфера. В ней находились две сильные личности, которые привыкли подавлять других людей своей самоуверенностью, напором и лидерством. Прирожденные ораторы и борцы, идущие напролом вперед. Теперь, оказавшись наедине, они

начали эту незримую дуэль за первое место: упорная, наглая Анна-Мария и сильный, непробиваемый Маэль. И ни один не собирался сдаваться.

– Уважаю тебя, – наконец вздохнул Сантана. – Ты первая на моей памяти, кто так держится за жизнь, при этом не видя в ней никакого смысла.

Анна-Мария отвернулась и вновь уставилась в окно.

– Смысл есть. Был, – честно призналась она.

– И что такого случилось сегодня?

– Все, ради чего я старалась и к чему шла, рухнуло. Главную роль отдали другой балерине. Словно все, что я делала в жизни, обесценили. На кой черт было пахать в этом убогом театре?..

Машина поехала вперед. Маэльен, слушая Анну-Марию, хищно ухмыльнулся и сказал:

– Ничего, это все ерунда. Я покажу тебе куда более интересный мир.

* * *

Эффектно входить – это был ее конек. Спина прямая, длинные стройные ноги кажутся еще длиннее из-за туфель на каблуках, на темных, собранных в низкий хвост волосах шляпа, глаза смотрят уверенно и даже вызывающе, в руке сумочка.

Анна-Мария вошла в помещение вслед за Маэльеном и оказалась в просторной, скупо обставленной светлой студии, посреди которой стоял круглый стол. Огромные грязные окна открывали вид на Марсель, окутанный ночной темнотой. Огни города горели и мерцали, осыпая улицы, подобно звездам. Желтая яркая луна украшала померкший небосвод, по которому тянулись жидкие облака.

На диване у камина сидели трое мужчин и разговаривали. Когда они с Маэлем появились на пороге, все трое замолчали и уставились на них с любопытством. Анне-Марии показалось, что ее прихода ждали.

– Бандиты, – обратился к ним Маэль, – заждались?

– Показывай девчонку, – сказал один, которого Валевская сразу узнала.

У него были черно-белые, словно поделенные пополам невидимой чертой, волосы. Несколько секунд он в упор рассматривал Анну-Марию, затем нахмурился и пробормотал:

– Подожди-ка, герой, а это разве не?..

Блондин, сидящий рядом с ним, ахнул:

– Твою мать, Маэль! Это же та чертова балерина!

Все трое с недоумением переглянулись. Анна-Мария хорошо запомнила глаза и голос этого блондина, который в первый вечер их знакомства сказал Маэлю заткнуть ее.

– Собственной персоной, – ядовито выплюнула Валевская.

– Что за хрень? – не унимался Най. – Она и есть тот спасительный вариант, та ловкая и беспринципная актриса, которая нам нужна?

Малахитовые глаза Ная засверкали от злости и негодования. Любой другой не смог бы долго выдерживать этот взгляд, но Валевская привыкла к презрению в свой адрес. Она лишь холодно ухмыльнулась и гордо произнесла:

– А вы трое и есть те щенки, которые обоссываетесь без моей помощи?

Парни удивленно переглянулись снова, явно опешив. На любое проявление неуважения Валевская привыкла отвечать агрессией, чтобы потом такое отношение не повторялось. Маэль за спиной Анны-Марии громко рассмеялся, хлопнул ее по плечу и направился к круглому столу, где стояла бутылка со славным сингапурским бренди. Маэль налил себе выпить, потом присел на край стола и спокойно сказал:

– Она работает с нами. Без возражений.

– А если она... – начал было Най.

– Если что-то пойдет не так, – перебил его Маэль, – я ее убью.

Он посмотрел в глаза Анне-Марии серьезно и абсолютно честно. Она ответила ему тем же.

– Знакомьтесь, – вздохнул Маэль и глотнул бренди. – Пока без фамилий. Их ты узнаешь после своей первой операции.

Первым поднялся парень с русыми волосами, которые он убрал с лица заколками. Спокойные черные глаза уставились на Валевскую. Он был худеньким и небольшого роста, с тонкими и изящными конечностями, и походил на подростка или студента.

– Кристиан, программист.

Следом ей кивнул тот, что с черно-белыми волосами и глубокими карими глазами.

– Кайле, – сказал он приятным голосом с британским акцентом, – мастер по оборудованию.

Последним, нехотя и с недовольством, с дивана привстал блондин:

– Най, заместитель.

Валевская тоже представилась:

– Анна-Мария, бале... Бывшая балерина.

– Анна-Мария? – вскинул брови Кристиан. – Твой отец что, священник?

– Она русская по происхождению, – улыбнулся Маэль. – Княгиня Валевская, – с напускной важностью добавил он.

Валевской эти шутки не нравились. Она никого не боялась, но тут ощущала себя не в своей тарелке. Во-первых, это были чужие люди, да еще и преступники. Во-вторых, ей хотелось, чтобы ее уважали, а над ней пока только смеялись. Она сделала несколько шагов в центр студии, уперла руки в бока и заявила:

– Долго еще шутить будете? Вы объясните, что к чему, или вам надрать задницы и уйти?

Маэль только шире улыбнулся, молча наблюдая за ситуацией, а Кай, парень с двухцветными волосами, засмеялся.

– А что? Попробуй, – он с вызовом посмотрел на Анну-Марию. – Чтобы работать с нами, тебе нужно уметь драться. Уложишь хотя бы одного из нас?

Анна-Мария прищурилась.

– Тебя? – спокойно спросила она.

Кайле довольно улыбнулся, встал, скинул с себя куртку и остался в одной черной футболке. Он неспешно подошел к Валевской и остановился напротив. Было件нятно, что он воспринимает все как игру и ему просто весело.

– Посмотрим, насколько хороши *бывшие балерины* в деле.

Анна-Мария сняла шляпу и закатала рукава белой шифоновой рубашки. Кристиан и Маэль с интересом наблюдали за происходящим. Найлим подошел к столу, тоже налил себе бренди и, поморщившись, залпом выпил, а потом перевел взгляд на Анну-Марию и Кая.

– Что толку драться с ней, – ворчал он, – она ж девч...

Валевская вдруг резко сделала выпад, замахнулась и вмазала Кайле по лицу, а потом ударила его коленом в солнечное сплетение. Он ахнул, согнулся пополам и попытался. Анна-Мария перевела дыхание, враждебно оглядывая парня. Он держался за щеку, при этом с удивлением и легким восхищением смотрел на нее.

– Ой, а девочка не шутит! – засмеялся он. – У нас что, все всерьез?

– Она не очень понимает шутки, – предупредил Маэлье. – Юмор – явно не ее преимущество, Кай.

Кристиан, наблюдавший за дракой, убрал русые пряди за уши и ухмыльнулся.

– Ничего страшного. Она пока что все равно не в нашей команде, верно? Ее защищать не надо. Кай, – он обратился к другу, – можешь ударить девочку в ответ, она не обидится.

Валевская этих слов не испугалась, лишь приготовилась. Едва Кайле сделал к ней шаг, выставив вперед руку, Анна-Мария с разворота ногой ударила его по этой руке, а потом, чуть

присев, подпрыгнула и уже другой ногой нанесла удар по лицу. По сути, она дралась лишь ногами, рассчитывая на их силу и растяжку. Не ожидавший такого напора Кай сделал несколько шагов назад и рухнул прямо в кучу чертежей. У него слегка занемела челюсть, которой теперь было больно двигать.

– Твою мать! – зашипел он. – Детка, ты почему такая беспокойная?

– Вы сказали бить – я бью, – пожала плечами Анна-Мария.

– *Бить*, а не *избивать*, малыш, – ответил Кай, с очевидным трудом поднимаясь. – Но, в принципе, справляешься слабенко.

– Я тебе едва лицо не разбила, – равнодушно заметила Валеvская. – Единственная слабенка здесь – это твоя челюсть, которая, клянусь, хрустнула, когда я попала по ней.

Кай улыбнулся и сплюнул кровь.

– Ты попала только потому, что я позволил попасть.

Услышав это, Анна-Мария рассмеялась. В ту же секунду Кай, словно тигр, ловко и быстро подскочил к ней, собираясь ударить. Обладавшая хорошей реакцией Валеvская отпрянула и пригнулась, а потом подставила ему подножку. Он на секунду потерял равновесие, но, кувыркнувшись, снова встал на ноги и сразу же поставил Анне-Марии блок, таким образом обездвизив ее. Одной рукой он жестко стиснул ей кисти рук, другой сделал удушающий маневр, прижав ее к себе. Она резко и легко сделала балетный а ля згонд – выставила ногу назад и подняла ее более чем на девяносто градусов. Ударив Кая по боку, Анна-Мария отбилась и отпрыгнула в сторону. Все ее движения были четкими и плавными, отточенными и верными. Эта драка походила на танец. Каю понравилось.

– Даже в насилие ты вносишь грацию, – удовлетворенно произнес он. – Я доволен выбором, – он обратился к Маэлю, тот улыбнулся ему в ответ.

– Достаточно, – приказал Маэльен, убирая пустой стакан. – А ты опять меня удивляешь, детка.

– Это все растяжка и тренировки, – пожала плечами Валеvская.

– Ты словно не дерешься, а танцуешь, – восторженно сказал Маэль. – Ты в деле. Теперь можно и обсудить план.

Анна-Мария постепенно успокаивалась. Проверка окончена, теперь она могла расслабиться. Поправив прическу и снова собрав темные волосы, она неспешно направилась к круглому столу, где стояло всего четыре стула. Най принес ей табурет с кухни.

– Теперь перейдем к плану, – сказал Кристиан, раскладывая на столе несколько чертежей.

* * *

Когда стрелка часов приблизилась к трем ночи, все разошлись на перерыв. Кай и Кристиан вышли на крышу покурить, Най отправился за ужином. Анна-Мария выпила воды и уткнулась в телефон, а Маэль просматривал свежие схемы и планы. Сейчас на нем снова были очки в черной толстой оправе, которые он, очевидно, надевал для работы. Густые темно-каштановые волосы были растрепаны, что только добавляло ему харизмы. Маэль заметил, что Анна-Мария хмурится, закусывая губу, и решил незаметно подкрасться к ней.

Тихо подойдя сзади к кожаному дивану, на котором расположилась девушка, Сантана прочел имя абонента, от которого на ее телефоне было тринадцать пропущенных звонков.

– Северин? Твой дружок?

Валеvская от неожиданности подскочила на месте и обозленно покосилась на Маэля.

– Не твое дело!

– Тринадцать раз позвонил, – задумчиво продолжил Сантана. – Беспокоится небось?

– Конечно, – ответила Валеvская. – Я сбежала из студии, едва узнала о том, что мою роль отдали той светловолосой сучке.

Маэль стоял, опершись руками о спинку дивана, и улыбался, а его серые глаза поблескивали. Сейчас он походил на довольного кота.

– Сразу подумала обо мне, едва беда случилось? Ты ж моя хорошая...

Анна-Мария дернулась, когда Маэль дотронулся до ее плеча. Она отложила телефон, встала, повернулась и скрестила руки на груди. Ее лицо сделалось суровым.

– Ты велел звонить, когда все будет хуже некуда. Сейчас и есть то самое «хуже». Твое имя ассоциируется с чем-то наихудшим. Тебе действительно это льстит?

Сантана присел на подлокотник дивана, почесал подбородок и глубоко вздохнул. Его вид все еще был игривым и насмешливым.

– Такая молодая, и уже хуже некуда? Тебе сколько? Лет двадцать?

– Девятнадцать вообще-то.

– Извини, – засмеялся Маэль. – Просто в тебе столько стервозности, как будто ты ее копишь не один десяток лет. Откуда в такой малышке столько злости?

– Ты видел, где я работаю? Ты хоть знаешь, что такое балет и конкуренция?

Сантана кивнул и с усмешкой спросил:

– Это когда прыгают по сцене в колготках?

Валевская медленно подошла к Маэлю, глядя ему прямо в глаза. Ее пронзительные голубые глаза казались такими холодными, словно по синеве пошли белые прожилки инея. Когда она заговорила, ее слова звучали четко и грубо, словно запугивание:

– *Мальчик*, балет – это каждый вечер ноги в кровь. Балет – это тренировки по восемь часов в день, новые травмы каждый месяц и искривленные пальцы на ногах. Балет – это одно яблоко в день, взвешивание по утрам, ненависть к себе за каждый лишний сантиметр и вечный голод. Балет – это постоянная борьба за место, грязные сплетни, конкуренция и ненависть, иступление до дрожи. Это когда ты широко улыбаешься, но на самом деле хочется рыдать; это ровная, как игла, спина, и спокойный вид, когда на самом деле хочется кричать и биться головой о стену. Балет – это когда тебя всегда оценивают, когда ты делаешь то, чего не хочешь, и когда тебя волнует любой взгляд спонсора. Они смотрят на тебя своими сальными глазками, а ты обязана смеяться над их шутками... В балете нет места личности, счастью, дружбе и справедливости. Если ты оказываешься в этой индустрии, ты либо на вершине, либо на дне. Третьего не дано. Так вот, *Маэль*, я не просто на дне, я, мать твою, пробила это дно. Я позвонила тебе, надеясь, что либо освобожусь от этой дряни, либо уже побыстрее сдохну. Мне девятнадцать лет, а моя жизнь уже рушится.

Анна-Мария тяжело вздохнула и посмотрела в окно.

– Ты спросил, откуда у меня столько злости? Так вот, во мне нет злости. Я уже давно абсолютно пустая. Осталась лишь жестокость. Без нее меня давно бы не было. Ты обещал, что научишь меня жить заново. Либо ты спасешь меня, либо добьешься. И знаешь, мне совершенно все равно, какой будет исход.

Анна-Мария развернулась, взяла свою шляпу и сумку с дивана и направилась к выходу. Тяжелая дверь студии захлопнулась за ней с грохотом. Маэль остался один, пораженный и даже напуганный этим монологом.

Ее жизнь показалась Маэлю ночным кошмаром. Больше всего на свете он боялся быть обязанным, фальшивым или скованным обязательствами. Провести жизнь, лишенной удовольствий и смысла, в которой есть лишь злость и усталость. Поэтому Сантана делал все, что хотел, и наслаждался каждой мелочью. А Анна-Мария, сжатая в железных тисках своей профессии и своего образа жизни, не могла и лишнего шага сделать. Может ли быть, что то, что он принял за силу характера в Анне-Марии, на самом деле было просто озлобленностью, жестокостью и омертвелостью?

Тяжело вздохнув, Сантана поднялся с дивана и тоже пошел на крышу.

* * *

– Не думаешь, что это ошибка?

Кристиан посмотрел на Кайле, который задал этот вопрос. Они стояли и курили, опершись о перегородку на крыше. Ночной ветер трепал двухцветные волосы Кая. На нем была черная рваная футболка, которая доходила едва не до колен. В зубах он держал сигарету, мерцавшую в темноте красным огоньком.

Теплая марсельская ночь пахла зеленью, темнотой и звездами. Было тихо, город освещали огни витрин и уличных фонарей. Такой ночью можно было только наслаждаться. На крыше здания, где они сейчас находились, стояло две скамейки и множество цветов в горшках и ящиках. Похоже, кому-то от нечего делать нравилось ухаживать за растениями. Красоты добавляли и маленькие фонарики, развешенные то тут, то там.

– Уверен, что нет. Пусть Маэль и действует наобум, но он не дурак. Чутье его не подводит. Выбрал ее – значит, так тому и быть.

Кристиан затаился, рассматривая старые крыши зданий вокруг.

– А вдруг у нее зуб на нас, и она захочет нас подставить? – спросил Кай.

– Возможно.

– И она сама ему позвонила, значит, решила втереться в доверие и кинуть нас.

– Возможно.

– Какого хрена тогда? – недовольно спросил Кай, выбросив окурок.

Кристиан спокойно курил. Его вообще редко можно застать за проявлением ярких эмоций. Он был едва ли не гением IT-сферы, и экспрессия была для него нехарактерна.

– Маэль, повторюсь, не дурак. Уверен, он уже подумал о том, что эта девочка захочет нас подставить. Все, как обычно, решится в последний момент, и мы выберемся из задницы, как всегда и получается. Научись доверять тому, кто ведет вас.

Проницательные черные глаза Кристиана смотрели на Кайле, который опустил голову.

– Да доверяю я ему, доверяю... Просто не хочу, чтобы все пропало.

– Это все из-за того, что она тебе губу разбила? – усмехнулся Крис.

– Еще чего! Нет. Мне она даже понравилась. Просто по ней видно же, что сука... Жди беды, вот и все.

Кристиан тихо засмеялся, Кай тоже улыбнулся. Но они оба вздрогнули и обернулись, когда услышали за спиной голос Маэля:

– Нет, господа, она другая. Вы даже представить себе не можете, на что способна эта девочка.

Оба парня удивленно смотрели на Сантану, который, оказывается, давно уже слушал их разговор.

– И что же такого она умеет? – спросил Кай.

– Нам давно не хватало именно ее, – произнес Маэль. – Второй такой же, как я.

Глава 5. Попробуй найти свое место

Скрипя зубами, Анна-Мария неспешно шла к танцевальной студии «Перо», в которой занималась последние несколько лет. Ежедневные походы туда превратились для нее в рутину. А ведь недавно она думала, что уже не вернется в студию и вообще бросит балет навсегда. Но он, балет, сковал Валуевскую по рукам и ногам и не отпускал. Поэтому она вновь шла репетировать, сжимая в руке спортивную сумку.

Вспоминая слова Маэля, который заявил ей по телефону: «Возвращайся в балет», она злилась еще больше. Он обещал ей свободу и при этом насильно возвращал в этот гадюшник. Маэль пояснил, что, если Анна-Мария дальше будет работать с ними, ей понадобится какая-то работа для отвода глаз. Во-первых, потому что в банде четко разделяли жизнь на дневную и ночную, то есть днем все они отвлекались на человеческие заботы, мирные и спокойные, а дикую и противозаконную жизнь вели ночью, и смешивать это было нельзя. А во-вторых, если Анна-Мария и дальше будет балериной, никто и никогда не подумает, что она имеет отношение к «Лобосу». Маэль объяснил, что у Валуевской должен быть «дневной образ». Он сказал: «Кем ты будешь днем? Милой флористкой или, может, ужасно занятой библиотечаршей? В обычное время у тебя должен быть образ, которым ты будешь прикрываться. Уверен, никто не заподозрит тебя, стерву-балерину, в чем-то плохом».

Най, например, в обычной жизни – креативный директор одного небольшого издательства. Кристиан был студентом технического университета, изучал программирование, попутно подрабатывая официантом. Кайле – инженер-разработчик, вечно загруженный заказами. А сам Маэль числился специалистом по ценным вещам в галерее искусств. Все они где-то работали, имели прикрытие. Поэтому Анне-Марии было приказано вернуться на работу, чтобы ее знали как увлеченную каким-то делом и совершенно не способную на те ужасные вещи, которыми группировка занимается под покровом ночи. «Сложная и глупая система», – недовольно подумала Валуевская.

Она зашла в холл студии, прошла мимо секретарши, холодно кивнув ей в знак приветствия. Та из-за монитора компьютера проводила балерину странным взглядом. Через пару минут Анна-Мария, даже не переодевшись, вошла в танцевальный класс, где танцоры уже расставляли станки по местам и разминали ступни в мягких толстых носках. Все уставились на нее, разговоры стихли, в студии повисла тишина. Анна-Мария замерла, ожидая чьей-нибудь реплики.

– Анрия! – воскликнул Северин, вскочил с пола и кинулся к ней. Иногда он звал ее этим сокращенным именем. Он обнял девушку за плечи и прошептал:

– Что с тобой случилось?

– Где тебя носило два дня, Валуевская? – недовольно спросил Аллен. – Исчезла без предупреждения, и все. Это, по-твоему, профессионально?

В их сфере это нормально: в один день кто-то тебя обожает и боготворит, на другой даже не здоровается. Поведение Аллена уже не удивляло Анну-Марию. Девушка скрестила руки на груди и спокойно ответила:

– Были неотложные дела. Теперь все в порядке. Уверена, я ничего не пропустила.

Аллен покачал головой и направился к выходу из танцкласса. Проходя мимо Анны-Марии, он на ходу бросил ей:

– Ты теперь на замене у Софи, поэтому вдвоем учите партию Жизели в «Виллисах». Иди разогревайся.

И он вышел.

* * *

– Сама понимаешь, что это значит, – сказал Северин.

Его влажные после тренировки белые волосы облепили лоб, словно нити, а чистые фиолетово-голубые глаза рассматривали Валевскую.

– Что? – равнодушно спросила она, натягивая спортивную куртку.

– Не строй из себя дуру, – отмахнулся Каст, который уже стоял одетый и ждал свою подругу. – Ты прекрасно понимаешь, что, если Софи *случайно* не сможет выйти танцевать на премьерке, ты займешь постоянное место, а она станет твоей заменой.

Анна-Мария расчесала темные волосы и откинула за спину. Всем своим видом она показывала, что спокойна, но внутри бушевал ураган. Север прав: если она столкнет Софи с пьедестала, то станет примой и королевской походкой сама взойдет туда. Царица балета, всем известная и всеми признанная! Это и была изначально цель ее жизни, еще с того момента, когда она соплячкой поступала в балетную школу. А теперь все складывается как надо, только надевай пачку да танцуй. Убрать с дороги Софи будет едва ли сложнее, чем чихнуть. Что может маленькая сладкая блондиночка против Анны-Марии, у которой в голове тысяча и одна идея по устранению соперниц? С таким подходом к делу, если бы хотела, Валевская давно стала бы премьер-министром Франции. Но, к счастью или нет, ей были нужны лишь сцена и пуанты.

– Ты прав, – ухмыльнулась Анна-Мария. – Похоже, Аллен не такой уж слепой дурак.

– Он тебе дал шанс показать, – воодушевленно ответил Северин, – на что ты готова и что можешь для этой роли. Время утереть всем нос, детка.

Он улыбнулся и погладил Валевскую по щеке. Она улыбнулась ему в ответ. Сдержанно и холодно, как обычно.

Но была одна проблема. Вряд ли сотрудничество с «Лобосом» и главная роль в спектакле совместимы. Одно дело – найти себе дневное занятие, какое-то прикрытие. Совсем другое – случайно воплотить мечту всей жизни. Быть примой в качестве прикрытия – это слишком. Закусив губу, Анна-Мария нахмурилась и ощутила досаду. Одно другому мешает. И надо выбрать что-то одно.

Север и Валевская сидели на одном из красных диванчиков, расставленных в холле студии. Оба молчали, погруженные в раздумья. Первым тишину нарушил Каст:

– Анрия, что происходит? Скажи, что-то случилось за эти два дня? Я звонил, ты не отвечала. Сначала я подумал, что ты просто сидела дома и злилась, а сейчас мозги встали на место и ты вернулась обратно. Я ошибаюсь? Что-то произошло?

«Произошло, Север, – хотела ответить ему Анна-Мария. – Я тут случайно встретила с тем вором, который взял в меня в заложницы, и теперь мы будем работать вместе. А тут я всего лишь ради того, чтобы убивать время между смертельно опасными операциями. А как у тебя дела, красавчик? Не хвораешь?» Этот ответ сгодился бы, если бы Анна-Мария вдруг решила сказать правду. Но и врать она не любила. В таких случаях один выход – недоложь и переправда: недоговаривать, упуская важные детали, передавая сухую суть.

– Случилось, – коротко бросила Валевская.

Северин напрягся, хоть удивлен и не был.

– Конкретнее.

– Я говорила тебе про Маэля?

– Того опасного парня, с которым ты связалась и который может тебя убить?

– Да, верно. – Валевская вспомнила, что поделилась переживаниями с Северином на прошлой тренировке. – Так вот, я влипла в одно дело. И оно может помешать мне получить роль. Либо работа, либо... – Она помолчала. – Маэль и его дело.

Северин повернулся к Анне-Марии и обеспокоенно заглянул ей в глаза.

– Анрия, во что ты влипла? Это же опасно, верно? Что происходит? Может, тебе нужна помощь полиции или службы безопасности? Твоей жизни что-то... или *кто-то* угрожает?

Валевская подняла голову, смело встретившись с Севером взглядами. Он всегда мог понять, врет она или нет, хотя она и делала это редко.

– Да, угрожает, – сказала Анна-Мария. – Но ты не должен влезать в это. Я хочу, чтобы ты оставался в стороне. А если что-то произойдет, я, как обычно, приду, и ты применишь меня. Без вопросов, без упреков. Просто открой мне дверь, и все.

Каст привлек к себе девушку и обнял ее, пальцами зарывшись в темные густые волосы. Прижавшись к нему, Валевская ощутила себя на несколько секунд в полной безопасности и лишённой забот. Наверное, в этом и была прелесть отношений с сильным и надежным мужчиной, который решает все твои проблемы, всегда защитит, прикроет, и в его руках ты словно в тепле и безопасности. Наверное, это безумное счастье. И, наверное, Анне-Марии его не постичь. Северин – ее близкий друг, опора. Но он не ее мужчина и никогда им не будет. В глубине души Валевская считала, что никакой мужчина не выдержит ее лютый нрав и волевой характер. Она привыкла подавлять и подчинять. Едва ли какой-нибудь герой сможет перебить подобный темперамент. А человека слабее нее она не сможет уважать. Проблема сильных женщин именно в этом. Их главный вопрос к мужчине: «Сможешь ли ты быть настолько сильным и надежным и превзойти меня, чтобы заслужить мое доверие и покорность?» Пока Анна-Мария встречала лишь ответ «нет».

Отстранившись от Северина, Валевская вздохнула.

– Мне не выпутаться из этого так просто.

Север пристально посмотрел на девушку. Он понял, что помочь ничем не сможет и ему остается лишь сочувствие. Они в молчании собрали свои сумки и покинули студию.

* * *

Погода в Марселе сегодня была прекрасной. Теплые лучики солнца приятно грели кожу, а легкий свежий ветер едва пробежался по улицам. Белые облака медленно плыли по небу, оставляя за собой размазанный след.

Огромные окна студии были открыты, свежий воздух наполнял помещение. Най сидел на низком подоконнике и копошился в каком-то приборе, иногда поглядывая вниз, на тротуар. Он ждал белый Porsche Маэльена, который с минуты на минуту должен был привезти Анну-Марию, чтобы они все вместе подготовились к операции. Леманн, которого напрягало присутствие Валевской в их компании, все-таки внутренне предвкушал новую встречу, хоть и отрицал это. Ведь каждый раз эта девушка выкидывала что-то новое, а немного пресыщенный жизнью Най любил все занятное и интересное, это разбавляло его скуку.

Пришел Кайле и приволок коробку с оборудованием. Он вывалил содержимое коробки на стол и теперь сосредоточенно рассматривал провода и какие-то приборы, пытаясь расфасовать их по форме и назначению.

Кристиана на месте не было. Он был на занятиях в университете, обещал прийти позже. К тому же он всегда участвовал в операциях только дистанционно. А с его стороны все уже было готово, поэтому Кристиан мог отдыхать и не принимать участия в подготовке. Он также стремился избегать самой худшей части: когда Най Леманн начинает читать нотации о том, что нужно следовать плану и как плохо будет, если их поймают.

Тут дверь студии распахнулась, и вошел Маэль. Сегодня он был в белом поло Lacoste и брюках в полоску. Он всегда одевался просто и со вкусом, не кичась этим, но достойно демонстрируя. Темные волосы он аккуратно уложил, а легкая щетина добавляла ему шарма. За ним следом вошла Анна-Мария, цокая каблуками и сжимая ручку-цепочку своей сумочки. Она

обвела всех строгим взглядом. На ней была тонкая шелковая майка, которая словно струилась по телу от теплого ветерка, гуляющего по студии.

– Господа и одна дама, – начал Маэль, – сегодня заключительный этап нашей подготовки. Вы как?

– С оборудованием почти разобрался, – отозвался Кайле. – Нужно все безупречно настроить, так что еще ночь, пожалуй, провожусь с этим здесь.

– План тоже готов, – Най указал на ноутбук на круглом столе. – Все тридцать два исхода учтены и проработаны.

– Тридцать два варианта операции... – задумчиво протянул Сантана. – В жизни столько не запомню.

– Маэль, надо! – недовольно воскликнул Леманн. – Иначе получится как в Театре искусств!

– Ага, и мы не просто выбрались оттуда, но и с приятным бонусом. К черту план!

Маэль игриво вскинул брови и указал глазами на Валевскую. Она сидела, скрестив руки на груди.

Леманн тяжело вздохнул. Он прекрасно знал: это сейчас Маэль так говорит, на публику. Вечером он в любом случае сядет и прочтет все, что Най написал, каждый вариант запомнит и будет действовать как положено. Маэль был экспрессивным и эмоциональным, как типичный испанец, но никогда не стал бы жертвовать кем-то или подвергать опасности команду из-за своего характера. Сказано выучить – он выучит.

Анна-Мария поправила волосы и заговорила:

– Ну что, давайте уже закончим с этим.

– Как на работе? – спросил Кайле. – Слышал, Маэль заставил тебя вернуться в балет.

Валевская кивнула.

– Да. Меня назначили дублершей примы. Работать придется вдвое больше за ту же зарплату солистки.

Маэлье на секунду нахмурился после этих слов, но потом снова приобрел беззаботный вид и налил себе вина.

– У тебя больше нет причин беспокоиться о деньгах, душа моя. Единственное, о чем тебе нужно думать, – какое платье надеть.

Он указал на стоящую рядом со столом вешалку-штангу, на которой висело несколько платьев разного фасона и цвета. Анна-Мария равнодушно глянула на них.

– На операции тебе нужно выглядеть дорого. Так что выбирай, кисуля: Dior, Prada, Alexander McQueen – на любой вкус. А вон и купленные в том ювелирном магазине побрякушки.

И Сантана кивнул на коробки, лежащие возле вешалки с одеждой. Валевская встала и медленно прошла, рассматривая платья. Она остановила выбор на очень простом приталенном черном платье на бретельках. Взяв его в руки, чтобы рассмотреть, Анна-Мария увидела бирку с надписью: «*Made in Heaven*».

Ее спины коснулась горячая ладонь Маэля, который наблюдал за процессом.

– Райское платье, – прокомментировал он. – Скоро ты и сама окажешься в раю.

Она обернулась и посмотрела на Маэля.

– Ничто так не оттеняет вкус жизни и ничто так не заставляет чувствовать себя живым, как ощущение опасности.

Сантана коснулся пальцами подбородка Валевской, подмигнул ей и пошел к Наю и Кайле, которые что-то живо обсуждали за столом. Девушка опустила взгляд на платье. «*Сделано в Раю*» – перевела она надпись с английского и удивилась. Ни лейбла, ни размера.

– Почему такое простое? – спросил Най, отвлекшись от компьютера. – Слишком обычное. Там есть и покрасивее.

– Я буду вся увешана украшениями, – ответила Анна-Мария. – Они будут привлекать внимание. Платье должно быть простым и подчеркивать аксессуары.

Маэль ухмыльнулся:

– Просто у этой девочки есть вкус, а у тебя, Най, нет. Спорю, будь ты трансвеститом, ты был бы тем самым уродливым и чересчур накрашенным громиллой в колготках и парике. Ты не знаешь меры.

Леманн едва не поперхнулся чаем, который пил.

– Еще чего! А ты тогда кем бы был?

– А я был бы симпатичной тайской девочкой, – самодовольно улыбнулся Сантана. – Трансвеститы в Таиланде хорошо чувствуют девушек и прекрасно знают, что те не любят много косметики и побрякушек.

Анна-Мария, слушая эти разговоры, удивлялась про себя. Она не понимала, как этот беспечный и несерьезный на первый взгляд парень может быть главой группировки, знаменитым и неуловимым, гениальным и изобретательным. Куда он все это прячет? Маэль выглядел как плейбой, вел себя как радостный дурак, а на деле был высококвалифицированным профессионалом и международным преступником. Что за смесь такая?

А возможно, это как раз подходит под ту его теорию, что смешивать ночную и дневную жизнь нельзя, а, следовательно, и образы тоже. Днем Маэль – работник галереи и искусствовед, богатый чудак, а ночью – безжалостный и дьявольски умный глава «Лобоса». Анне-Марии тоже придется менять свое поведение или она так и останется куском льда? «Но чертовски красивым и изящным куском льда», – мысленно добавила она.

– Пора ознакомиться с планом, – сказал Леманн.

– Давай, моя принцесса, – обратился к Валевской Маэль, при этом изучая план на планшете. – Я посвящу тебя в подробности твоей роли. Ты же привыкла играть на публику? Это почти то же самое. Только тут тебе позволено чуточку больше. Например, убивать.

* * *

День шел к завершению. Большое красное солнце меркло, скатываясь за горизонт и угасая. На смену ему на розово-фиолетовом небосклоне, усыпанном крупными звездами, пришла желтая луна.

Анна-Мария сидела на улице за столиком кафе, держа в руках чашку кофе и разглядывая небо. Ее тарелка была пустая и чистая. Но на столе стояла еще одна – с огромным куском шоколадного торта, украшенным большими сочными ягодами клубники и малины. Это был торт Маэля. Он еще десять минут назад отлучился поговорить по телефону. Валевская, согласившаяся с ним поужинать, давно перестала ждать. Она сидела и думала.

Еще днем она все решила. В ходе операции в удобный момент она подставит Маэля и команду – заявит на них в Интерпол. Так она отомстит им, отделается от проблем и вернется в балет. А потом уже разберется с Софи и получит главную роль. Валевская привыкла ставить четкие цели, поэтапно достигать их и получать то, что хотела. Ее место в балете. Оно ведь есть там для нее?

Но, если честно, Анне-Марии теперь казалось, что места ей нет нигде – ни с «Лобосом», ни у станка. Она чужая везде. И это отчего-то убивало. Она привыкла быть одна, но начинала чувствовать, что это съедает ее. Маэля ей было вообще не жаль. Он лишь изображал дружелюбие, а на деле, хладнокровный и самодостаточный, был готов убить Анну-Марию. И он прекрасно знает, что она сама за себя. Стоит ли удивляться, что она захотела подставить Маэля? Да она грезилась о мести с того дня сорванной премьеры. С другой стороны, кажется, он отчего-то проникся к ней симпатией и обещал помочь. И что должна делать Валевская?

– Извини, я болтун, – сказал Маэль, неожиданно появившись и усаживаясь за столик напротив Валевской. – А с родственниками особенно. Не заметил, что прошло много времени.

– Безумно счастлива, – равнодушно ответила Анна-Мария.

– Хочешь торт? – спросил Сантана, протянув вилку. – Мне для тебя ничего не жалко.

– Нет, – помотала головой Анна-Мария, – не хочу.

– Тебе нельзя? Вечером не ешь сладкое?

Валевская тяжело вздохнула.

– Если бы я ела вечерами сладкое, я бы не была балериной.

Маэль, между тем, уже съел ягоды с торта. Уж кто-кто, а он точно не отказывал себе ни в чем.

– Забудь, ты же такая красивая, – улыбнулся Маэлен. – Разожми эти железные тиски, которые тебя держат. Расслабься немного. Это же не жизнь – вечно отказывать себе во всем. А как же удовольствия?

– Иногда без них можно обойтись.

– Но не постоянно же? Всего один, малышка. Ты не погибнешь от этого.

И Сантана протянул ей вилку с кусочком торта. Анна-Мария нехотя взяла ее, с сомнением рассматривая шоколад, и попробовала. Вкус был великолепен. Валевская и забыла, что это такое – вкусная еда. Маэль довольно кивнул, заметив реакцию девушки.

– Я же говорил, что понравится. Послушай, я не желаю тебе зла. Просто хочу показать, как много ты упускаешь. Ты столько лишаешь себя! Как можно быть такой несчастной? Ты невероятно сильная, и это прекрасно. Но баловать себя – одно из правил счастливой жизни. Кусочек торта, вкусный чай и любимая книга, весь день дома в мягкой пижаме... Ты иногда должна делать то, что нравится, чтобы расслабиться.

Анна-Мария посмотрела на Маэля с сомнением.

– Зачем ты это говоришь? Почему ты думаешь, что я стану счастлива и освобожусь, работая с вами?

Сантана точно ждал этого вопроса. Он подался вперед, пристально посмотрел девушке в глаза. На губах появилась ухмылка.

– Потому что ты такая же, как и я: сильная, обладаешь высоким интеллектом. Тебе необходимо ставить цели и достигать их. Тебе необходимо думать, действовать. Ты любишь ощущение превосходства и накал. Это есть в нашей работе. Все мои потребности реализуются там. И ты тоже раскроешься и ощутишь эту безумную энергию.

Валевская мысленно согласилась с его словами. Во многом он был прав.

– Тогда, если мы такие похожие, почему все равно различаемся?

– Потому что я счастлив и делаю то, что хочу. Я спокоен и самодостаточен. А ты в вечном напряжении и ждешь удара в спину, обозлена, тебя затравили и медленно убивают. Я сильнее тебя. Я могу выбраться из болота сам, а ты сама не сможешь. Поэтому я помогаю тебе, хочу показать, что ты можешь жить лучше. Как это делаю я.

Анна-Мария почувствовала досаду. Все было правдой. Но она вздернула подбородок и с улыбкой спросила:

– Ты? Сильнее меня?

– И сильнее, и умнее, – спокойно ответил Маэль. – Как ни старайся, я тебя все равно обыграю. Но соперничать с тобой я не хочу. Только помочь.

Анна-Мария видела, что Маэль говорил абсолютно серьезно. Ей стало не по себе. Стоит ли мстить за старые обиды? Действительно ли надо отвечать на доброту Маэля такой подлостью, как предательство? А доброта ли это? Он угрожал ей, он постоянно говорит, что она делает все неправильно. С другой стороны, Валевскую никто не заставлял звонить Маэлю. А он, зная, что ей плохо и она в тупике, приехал и забрал ее.

Анна-Мария чувствовала себя беспомощной. Тяжело вздохнув, она согласилась еще на пару кусочков шоколадного торта. Предстоящая операция решит, где же ее место: с дикими волками или в душной балетной сфере, к которой она привыкла.

– Ну вот, пара кусочков съедена. Скоро ты научишься и другим радостям жизни. Я помогу.

И Сантана, усмехаясь, протянул руку и смахнул пальцами крошки шоколада с уголка губ девушки. На душе у нее стало еще тяжелее.

Глава 6. Добро пожаловать на сцену

– Маленькая моя, любимая моя девочка...

Маэль наклоняется и целует ее в шею, в щеку, обнимает, зарывается лицом в ее темные волосы. Анна-Мария резко отталкивает парня, потом хватается за ворот пиджака и бьет коленом ему между ног. Маэль ахает и сгибается пополам.

– Мы еще даже не зашли в магазин! – рывкнула она, вытирая щеку после поцелуя. – Поэтому убери руки.

Сантана нахмурился и поправил пиджак. У него сегодня были идеально уложенные волосы, черный пиджак и брюки и черная же футболка, на руке – золотые часы Versace. Он выглядел как хорошо обеспеченный мужчина, который совершенно точно отвел бы свою девушку в ювелирный магазин Amoig в престижном районе Марселя. Они стояли у входа, рядом с ярко освещенными витринами, украшенными античными узорами и зелеными цветами, готовились войти. Анна-Мария незаметно поправила провод оборудования, который прикрепили к ее нижнему белью, расправила платье и откинула блестящие распущенные волосы за спину. Ее образ дополняли красные рубины, бриллианты, ониксы и черное серебро. Она была вся в побрякушках из этого самого магазина и выставляла их напоказ. Губы она накрасила ярко-красной помадой. Валевская сегодня походила на пантеру.

– Я репетирую, детка, – подмигнул Маэльен. – А еще раз ударишь меня – накажу.

– Идите уже, – вздохнул Най, стоящий рядом. – Буду ждать снаружи. Кристиан уже за компьютером.

Анна-Мария кивнула, взяла под руку Маэля и изобразила радостную улыбку. Они двинулись к магазину. Сердце девушки трепетало, предвкушая что-то невероятное и неизвестное. Это был ее первый шаг к тому, чтобы оставить прошлую жизнь. Или же красиво отомстить, а потом вернуться в балет.

– Добро пожаловать на сцену, Риюшка. Тебе предстоит много играть.

* * *

– Вы действительно эффектная пара, мсье и мадам Келле, – произнес консультант.

Он улыбался, глядя в глаза то мужчине, то девушке, готовый продать этим состоятельным молодоженам самое лучшее и самое дорогое украшение, предвкушал успешную сделку и предстоящую премию. У него были светлые волосы, блестящие от лака, очки, острые скулы и услужливый вид. В помещении, где они находились, разливался приглушенный свет, стояла роскошная мягкая мебель и дубовый стол, на котором избранным клиентам показывали товар. У консультанта билась жилка на лбу от легкого напряжения. Он волновался и беспокоился: как лучше услужить этим людям? Будучи в подобном суетливом состоянии, он даже не заметил, как эта прекрасная девушка, увешанная брендовыми ювелирными изделиями из их магазина, как будто поправляя верх платья, незаметно выудила из-за лифа портативный датчик и спрятала за бархатную подушку на софе, делая вид, что оперлась на нее.

Да и можно ли его винить за эту упущенную деталь? Внимание консультанта отвлекал Маэль, который выдавал один за другим вы зубренные факты об украшениях и ассортименте разных магазинов. Он как знаток рассуждал о каратах в бриллианте и чистоте алмазов. Сантана действительно знал толк в прекрасном, но в основном в искусстве: картинах или скульптурах. С украшениями он имел дело нечасто. Но консультант впечатлялся знаниями клиента все больше, улыбаясь все шире, волнуясь все сильнее. В блокнот он записывал некоторые артикулы из каталога, чтобы потом показать новым VIP-клиентам то, что им точно придется по вкусу.

Беседа шла хорошо, всплыло даже несколько фраз о личной жизни. Бдительность консультанта была настолько усыплена, что Анна-Мария могла спокойно высматривать местонахождение камер наблюдения.

– Дело было в Доминикане, – мечтательно рассказывал Маэль. – Там я подарил моей Ариадне вот это ваше колечко.

Сантана взял нежно руку Анны-Марии и показал восхитительное кольцо, красиво блестящее в искусственном свете. Консультант активно закивал, еще больше восхищаясь.

– Да-да, «Королевское кольцо», Diva's Dream от Bulgari, розовое золото, бриллианты в восемнадцать карат. Помню его, помню.

– Ну да, – небрежно бросил Маэль. – Так вот, после того как я надел это кольцо ей на палец, у нас была лучшая совместная ночь...

Сантана ухмыльнулся и вновь поцеловал Анну-Марию в щеку. Она едва не взрывалась от бешенства и желания разбить нос этому обнаглевшему и заигравшемуся засранцу. Но не могла. Ее роль тоже была необходима. Влюбленная пассия испанского наследника целого состояния не может ударить его прямо при консультанте и начать угрожать. Валевская успокоила себя мыслью, что разорвет его в клочья позже, после этого спектакля. Поэтому, взяв себя в руки, Анна-Мария улыбнулась, искренне надеясь не вцепиться кому-то в глотку.

– Обожаю его, – пропела она. – Оно – произведение искусства. Поэтому мой выбор пал на ваш магазин, когда я захотела что-то новенькое для себя на годовщину.

Консультант радостно закивал. Ведь влюбленный и богатый мужчина готов купить весь мир по одному слову его возлюбленной, не так ли? Значит, главная задача сейчас – это убедить возлюбленную сказать то самое слово, а потом предложить самые роскошные украшения.

– Уверю вас, это не было ошибкой! Я покажу вам лучшее, что есть в сети Amoig.

* * *

Споткнувшись, Анна-Мария вцепилась в локоть Маэля, чтобы не упасть.

– Какого черта ты выбрал мне эти ужасно неудобные босоножки?

– Потому что ты играла мою женщину, – безмятежно ответил Маэль, галантно ведя под руку Валевскую.

– И? Раз они тебе так нравятся, надел бы сам, – прошипела она, пытаясь идти модельной походкой.

Сантана ухмыльнулся, глянув на девушку.

– Женщину украшают туфли. А мужчину украшает женщина.

Анна-Мария удивленно покосилась на Маэлена.

– Учись, пока я жив. Детка, если на тебе Manolo Blahnik, то чего ты вообще можешь требовать от жизни?

Они вдвоем шагали по марсельской улице. Ювелирный магазин остался позади. Чтобы машина не попала под камеры наблюдения на улице, пришлось отогнать ее подальше. В Porsche Маэля их уже ждали Найлим и Кайле, которые следили за ходом первого этапа операции. Они ожидали, когда же мсье и мадам Келле придут к ним, забудут этот приторный образ влюбленной парочки и снова станут собой – двумя членами «Волков».

Погода была хорошая. Чистое голубое небо, теплый ветерок, негромкий шум улицы. По красивым тротуарам мимо старых зданий времен Французской революции проходили красиво одетые люди. Дорогой район кишел привлекательными людьми, которые сейчас вышли на обед в какую-нибудь местную кофейню. Но даже они оборачивались, заглядываясь на весьма заметную пару: высокий и хорошо сложенный мужчина с обаятельной улыбкой и игривым взглядом серых глаз, одетый в дорогой костюм, вел за руку стройную девушку в тонком черном платье, и светлый тон ее кожи оттеняли украшения из красных рубинов в оправе из черного

серебра. Они держались за руки, словно влюбленные, которые уже давно вместе, и выглядели так, что хоть сейчас на обложку Vogue France. И никто не догадывался, что у таких эффектных и с виду идеальных людей едва ли не больше проблем, чем у всех остальных.

– Датчики в ВИП-зоне модели T-Ji 201700, как и ожидалось, – говорил Маэльен с Кайле через наушник. – Собственно, зная расположение, вырубить их не составит большого труда, не так ли?

В нескольких сотнях метров, в припаркованной за углом машине сидел Кайле, рассматривая строение охранных датчиков и слушая отчет Маэля. Най тоже был здесь, он уже начал работу над хакерской программой для взлома этого вида охранной сигнализации. Взвешивая свои светлые волосы, он нахмурился.

– Значит, они реагируют на звук, на движение и на смену температуры?

– И на давление, – ответил Кай, отметив что-то маркером на схеме.

– Ну и дерьмово же это, – вздохнул Най.

Маэль и Анна-Мария уже почти подошли к машине. Им осталось зайти за угол, свернув с людной улицы. Все было сделано, осталось лишь снять показатели датчиков, которые были установлены в ВИП-зале. Они шли за руку, оживленно обсуждая угол обзора охранных камер. Анна-Мария хотела было что-то сказать, подняла глаза – и увидела знакомый взгляд. Ее удивленно разглядывали блеклые фиолетово-голубые глаза.

На тротуаре стоял Северин Каст с ключами от машины в одной руке и мобильным телефоном в другой. Он с кем-то разговаривал, но отвлекся, увидев Валевскую с мужчиной, одетых изысканно и нарочито красиво – словно для театра или запланированного свидания. Северин был ее партнером и просто хорошим другом вот уже более пяти лет. И он впервые видел, чтобы Анна-Мария с кем-то шла за ручку. Да и не просто с кем-то, а с красавчиком уровня микеланджеловского Давида.

– Анрия? – удивленно спросил Каст.

– Север, – натянуто улыбнулась она в ответ, хотя улыбаться не хотелось вовсе.

– Маэль! – вставил Маэльен, чтобы, как обычно, свести ситуацию к шутке.

Валевская и Каст одарили его взглядом, полным недоумения. Выдернув руку из ладони Маэля, немного сконфуженная и растерянная, Анна-Мария, цокая каблуками, подбежала к Северину и обняла. Сантана с усмешкой наблюдал за ними. Ему было интересно, что же это за парень, которого Валевская не ненавидела, – видимо, единственного во всем мире. Север оглядел девушку с головы до ног и присвистнул:

– Выглядишь... потрясно.

– Знаю, – слабо улыбнулась Валевская, не зная, куда себя деть. – Я тебе все потом объясню, ладно?

Север прикусил губу и поежился, когда подул ветер и его белая футболка затрепетала.

– Это... Этот тот парень, да? О котором ты говорила.

– Говори тише! – рыкнула Анна-Мария, приложив палец к губам. – Я же сказала: потом поговорим об этом. Не нарывайся на проблемы.

Маэль медленно подошел к ним, расслабленно и спокойно улыбаясь. Его пронизательные серые глаза уставились на Севера, который сразу ответил таким же вызовом.

– А вы, должно быть, тоже из балета? По ногам вижу, – сказал Маэль.

Каст кивнул, мельком глянув на свои длинные стройные ноги с рельефными мышцами, облаченные в джинсы.

– Северин Каст, солист балетной труппы Марсея, – гордо произнес он и протянул руку. Маэль пожал ее.

– Маэльен Сантана, специалист по ценностям и искусству.

Север снова кивнул. Анну-Марию напрягала ситуация, в которой сошлись в одной точке ее старая и новая жизни. Она похлопала Каста по плечу и сделала шаг назад.

- Ну хорошо, нам пора... До встречи на репетиции, Север.
- До встречи, Анрия. Приятно было познакомиться, – Север сдержанно и вежливо улыбнулся и щелкнул брелоком сигнализации.
- Взаимно, – махнул рукой Маэль.
- Украдкой вздохнув, Валевская потянула Маэля за рукав пиджака за угол здания.

* * *

Они действительно словно были воплощением ее двух жизней. Гордый, грациозный и сдержанный Северин – это обычная жизнь Анны-Марии. Та жизнь, что крутилась вокруг балета, постоянных тренировок, диет. Где было соперничество, конкуренция и постоянные отказы себе во всем. Жизнь бесцветная, блеклая – никакого колорита, сплошной строгий аскетизм. А Маэль – полная противоположность. Темпераментный, харизматичный и непредсказуемый, он воплощал в себе новую, вторую жизнь Валевской. Ту жизнь, которая была опасной, дикой, неизвестной, совершенно новой.

И ее выбило из колеи, когда эти два воплощения столкнулись нос к носу. Ее снова стал мучить вопрос, что выбрать: старую жизнь или новую? Привычный темп или безумные дни? И главное – предать Маэля и «Волков» или помочь им? Ведь на операции сегодня ночью у нее будет возможность поступить и так, и так. Красиво отомстить и вернуться к прошлой жизни, где она уничтожит всех соперниц и станет примой, или оставить все приевшееся и окунуться в новое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.